ШАМИЛЬ ИДИАТУЛЛИН

ВОЗВРАЩЕНИЕ «ПИОНЕРА»

РОМАН

РЕДАКЦИЯ ЕЛЕНЫ ШУБИНОЙ

Шамиль Шаукатович Идиатуллин

Возвращение «Пионера»

Серия «Другая реальность»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67890980
Ш. Ш. Идиатуллин. Возвращение «Пионера»: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-148258-9

Аннотация

«Возвращение “Пионера”» – новый роман Шамиля Идиатуллина, писателя и журналиста, дважды лауреата премии «Большая книга», автора романов «Город Брежнев», «Бывшая Ленина», «Последнее время».

В 1985 году трех школьников отбирают для участия в секретной космической программе «Пионер». Подростки должны помочь человечеству покорить Вселенную, а прежде – спасти его от смертельной угрозы. И это только начало испытаний. Когда они вернутся на Землю, то обнаружат, что попали в далекое будущее, где их никто не знает, где не существует их страны и где не осталось почти ничего, чем они дорожили и ради чего шли на жертвы. Героям придется или смириться с этим, или, в соответствии с клятвой, – жить, учиться и бороться.

Содержание

Пролог. Давно на автоматике 5
Другой пролог. Через сутки, чуть больше 14
Часть первая. Общий сбор 26
Заслуженный отдых 26
Задание со звездочкой 45
Часть вторая. И еще раз учиться 75
Глубокое решение 75
На живую нитку 88
Конец ознакомительного фрагмента. 97

Шамиль Идиатуллин
Возвращение «Пионера»

© Идиатуллин Ш. Ш.
© Лебедева В. И., оформление переплета, иллюстрации
© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Пролог. Давно на автоматике

Паренька Сергей заметил перед посадкой и вскоре забыл.

Заметил, потому что паренек показался смутно знакомым и несколько странноватым. Это немного сбивало с толку: странности хорошо запоминаются и опознаются, а пацана Сергей опознать не смог. Даже не понял, что именно знакомо – внешность, одежда или манера – и чем именно странновато.

Вроде обычный парень лет четырнадцати, аккуратный, скромно одетый, симпатичный, стоит себе в дальнем углу и смотрит. Но что же в этом обычного: рослый симпатичный парень одет не просто в небрендовый шмот, а в совершенно невзрачный и незапоминающийся прикид, будто дедушка упаковывал, стрижен чуть ли не под машинку, не хмурится, не ржет и не корчит рожи, а смотрит спокойно – на людей, а не в экран. Сергей понимал, что личный его опыт может быть не очень показательным и дети бывают не только такими, как Тимофей и Дарья или любые их приятели. Но до этой минуты он не представлял, что современный подросток умеет обходиться без телефона дольше двух минут – разве что в бассейне, и то ведь норовят протащить.

Малой в углу тем и обратил на себя внимание, что несколько минут спокойно стоял – свесив руки, а не сунув их в карманы, не теребя пальцы, не барабаня ногтями по шта-

нине и, в чем самая-то дичь, даже не пытаясь выдернуть из кармана телефон, проверить ленту, ответить на сообщение или сменить трек.

Самого Сергея телефон отвлек от вялых наблюдений раз семь – провожающие и встречающие беспокоились, спамеры не забывали, ну и Карина, конечно, мониторила, как уж без нее.

Точно не Дашкин одноклассник или дружок, я бы на контрасте запомнил, заключил Сергей, глянув на паренька в очередной раз. Да этот и помладше явно. Впрочем, на фоне нынешней Дашки даже выпускники кажутся помладше. А парень, наоборот, выглядел не по возрасту собранным.

Без наушников, без капюшона, без маски, и зрачки, скорее всего, нормальные, судя по тому, как неторопливо и профессионально, что ли, пацан наблюдал за площадкой перед посадочными воротами, лишь иногда отвлекаясь на панорамное окно, за которым на рулежке торжественно ползали два «боинга», будто определявшие с помощью ритуального танца, кому выпадет честь доставить Сергея с попутчиками в столицу нашей Родины – город-герой Москву. По Сергею пацан скользнул тем же равнодушно-деловитым взглядом, но не как охранник в магазине, а как начальник, выбирающий достойных его высочайшего внимания. На Сергея так смотрели всего несколько раз в жизни. И не выбирали, кстати. Было больно. Не хватало еще, чтобы этот список пополнил левый сопляк.

Да гуляй ты лесом, придурок жизни, осколок унитаза, подумал Сергей внезапно всплывшей из детства формулировкой, ухмыльнулся и выбросил пацана из головы. Он сосредоточился на упихивании сувениров, норовивших вывалиться из кармана чемоданчика, и тут же – на проверке телефона. Что было в командировке, остается в командировке, поэтому здоровее чистить список контактов и сообщений, галерею, трекинг и прочие средства запала перед посадкой в самолет. Вспомнить последний раз, сладко потянуться, стереть и забыть.

Сергей и забыл – все и сразу, малого тем более. А в самолете не то что вспомнил – малой сам явился и сел рядом. Не плюхнулся, а именно сел в кресло у прохода – место между ним и Сергеем осталось незанятым, – деловито пристегнулся, вытянул из кармана перед собой ламинированный лист со скучными подробностями о «боинге», проглядел его с двух сторон, сунул обратно и застыл, откинув голову и разглядывая салон из-под ресниц.

Телефон он так и не достал. Кремень парень. С тоски же сдохнет.

– Привет, – сказал Сергей. – Может, у окна хочешь? Давай уступлю.

– Здравствуйте. Нет, спасибо, тут хорошо, – ответил малой неожиданно низким ровным голосом.

Он не хмурился, не улыбался, не давал отлуп непрошеному собеседнику, просто информировал. Проинформировал,

чуть повернув голову, и вернулся в исходное положение.

Голос ведь тоже знакомый, подумал Сергей с досадой, которую тут же облегченно утопил в догадке: да малой боится просто. Летать боится.

Надо успокоить, понял Сергей, но решил переждать зычный рассказ про аварийные выходы и спасательные средства – тем более что малой слушал разводящих руками бортпроводниц удивительно внимательно, единственный, наверное, в салоне. Сергей в последний раз проверил телефон, написал Карине, что взлетает, едва не забыв рассыпать положенное поголовье смайликов, выставил авиарежим и на миг прикрыл тяжелые веки.

И вздрогнул вместе с самолетом, выпускающим шасси.

Весь полет продрых. Неудивительно, с учетом обстоятельств.

Сергей улыбнулся и нахмурился, не без труда запретив себе вспоминать обстоятельства. Он потянулся, чтобы расправить затекшие мышцы и суставы, тряхнул головой и посмотрел в иллюминатор. Действительно садимся.

Сергей повернулся к малому и отметил:

– Вот и все, а ты боялась.

Малой, искоса рассматривавший медленно проворачивающуюся под крылом огненную Москву, помолчал и ответил слегка удивленно, но спокойно и как будто с жалостью:

– Чего тут бояться?

– Правильно, – согласился Сергей. – Самолеты – самый

безопасный вид транспорта. На машинах в разы больше бьются. Я просто решил, что ты впервые летишь.

Он был готов к тому, что малой нагрубит или вообще не ответит. Но тот, покривившись, сказал:

– На таком – впервые.

Ты в какой деревне ховался, столь звонкий и малоразвитый, что от семьсот тридцать седьмого уберегся, чуть не спросил Сергей с веселым изумлением, но спросил, конечно, другое:

– И как тебе?

– Да так. Тихий слишком. Как понарошку всё.

За иллюминатором взвыли закрылки. Сергей ухмыльнулся и уточнил:

– А как надо – чтобы как в кукурузнике или в этом, «Фантоме»?

– Вы на «Фантоме» летали? – спросил малой со странноватой и скорее неодобрительной интонацией.

Дурной какой-то, подумал Сергей, но все-таки пояснил:

– Кто ж на нем летал-то. Нет, конечно. Я ж не американец, слава богу, и не военный. Хотя на военных полетать пришлось – когда как ты был или чуть старше.

– На «Дельфине» или «Альбатросе»?

Сергей медленно сказал:

– На «Альбатросе» немножко, но в основном на отечественном…

Малой кивнул и понимающе резюмировал:

– Пятидесятом, ага.

– Ну, почти – пятьдесят втором, – сказал Сергей, как будто извиняясь, и разозлился на себя и на малого, перед которым он вдруг вздумал оправдываться в том, чем гордиться надо: – И это потом уже. С Ног-Юртом у меня не срослось, а в авиашколе только Як-52 были. Да и кто бы нас, мелких, без инструктора в одноместный пустил.

Малой медленно повернул голову. Сергею показалось, что зрачки у него распахнулись во всю радужку и тут же съежились в острие иглы, но пацан моргнул и сказал, будто с трудом припоминая:

– Для «Пионера» первые отряды вроде всерьез готовили, некоторых даже на миговские спарки сажали, говорят.

– В смысле – для «Пионера»? – не понял Сергей. – Это американский же вроде спутник был или станция, а я, повторяю, не американец. Или ты про магнитолу?

Малой молча смотрел на него. Сергей, теряясь, продолжил:

– Или про журнал? Не, в «Пионере» про самолеты точно ничего не было, про кораблики было, но это не в «Пионере», а в «Костре» – это тоже журнал такой детский был, ты не знаешь. Хотя, я смотрю, увлекаешься, да?

Малой так и смотрел.

– А, ты понять просто не можешь. Ног-Юрт – это Ногайский Юрт, такая авиабаза засекреченная, и там же космодром для спутников был при совке. Я в детстве туда чуть

на испытания не поехал, типа «Зарницы». Отряд будущих летчиков-космонавтов, и все пацаны типа тебя – ты, кстати… Ну вот, там предполагалась специальная смена в Артеке, всякие кроссы, ныряния, центрифуги – и самолеты даже: и пилотировать, и с парашютом прыгать. Официально про это не говорили, конечно, но намеки были. А я потом уже узнал, что самых лучших должны были в Ног-Юрт послать, в отряд настоящих космонавтов. Но все в последний момент отменилось. Нас в простой лагерь заслали – на море, но не в Артек, конечно. Ну какие, правда, из пацанов космонавты? Так ведь?

Сергей улыбнулся, надеясь, что улыбка не выглядит жалко. Опять под кадыком набухла и сжалась совсем детская обида на людей, которые поманили чудом и мечтой – и не дали.

Пацан, кажется, этого не заметил. Он прижался затылком к спинке кресла и скомандовал:

– Касание, прямо сядьте.

Сергей обалдело повиновался, и шасси тут же ударили в бетон, ухватили полосу и понесли по ней «боинг» – уже не прыжком, а катаньем. Впереди жидко похлопали. Сергей снисходительно пояснил:

– Посадки давно на автоматике, пилотам просто запрещено в управление соваться – кому аплодировать-то?

– Давно на автоматике, – повторил пацан с прикрытыми глазами. – Посадки на автоматике, автоматика импортная,

самолеты заграничные. Своих нет. Ни самолетов, ни взлетов, ни автоматики, ни одежды.

– С бабушкой живешь, да? – уточнил Сергей, вытаскивая телефон и отключая авиарежим.

Разговор стал тухло неинтересным, а Карине требовалось написать «Сели» – традиция такая. Кругом шумно вздымались пассажиры, чтобы выдернуть ручную кладь из рундуков над головами и десять минут тупо стоять в проходе. Генетически обусловленная тоска по очередям, не иначе.

– Телефон американский? – спросил малой.

– Вот еще, – рассеянно оскорбился Сергей. – Сроду в секте яблочников не был. Все родненькое, китайское.

Малой сказал со странной тоской:

– Летать учились, в космос хотели, «Костер» читали, клятвы давали. Могли уже на Луне яблони сажать и по Марсу гулять. А заместо этого – родненькое китайское, лучшее американское, надежное немецкое. Бочка варенья и корзина печенья вместо неба и космоса. Чего ж вы предатели такие, а, Серый?

«Кто предатель?» – хотел рявкнуть Сергей, схватив, возможно, мелкого наглеца за шкирятник, но не рявкнул. Наглеца в соседнем кресле не было. Не было и рядом с креслом – там тяжело дышала, испепеляя Сергея взглядом, толстуха в спортивном костюме. Перед нею и за нею малого тоже не было.

Шустёр бобер, подумал Сергей и обмер. Когда я предста-

виться-то успел? Во сне, что ли? Или он карманы мне обнес, пока я дрых?

Похолодев, Сергей проверил одежду. Резко успокоился, обнаружив, что паспорт, бумажник, кеш и карты в нем, как и все остальное, на местах, но на всякий случай вскочил, чтобы выдернуть, почти не задев голову толстухи, чемоданчик – и чтобы высмотреть все-таки наглого пацана.

Высмотреть не удалось: народ в проходе, покачиваясь по-пингвиньи, пополз к открывшимся дверям. Если малой и умудрялся протискиваться сквозь эту жаркую динамическую систему, то разглядеть его не удавалось – да и смысла не было.

Сергей бегло проверил чемоданчик, совсем успокоился и ловко встроился в пингвинью колонну.

Уже через полминуты он снова, в последний раз, забыл наглого пацана, который исчез непонятно как, который говорил неприятные банальности и с которым Сергей тридцатью шестью годами раньше конкурировал за место участника экспериментальной исследовательской группы Министерства общего машиностроения СССР, проходившей в давно уничтоженных документах под кодом «КБПД “Пионер-12”».

Другой пролог. Через сутки, чуть больше

Костер оглушительно щелкнул, выбрасывая пучок искр. Остальные отшатнулись, поэтому я заржал и, наоборот, чуть придвинулся к огню – так, что кожа на скулах и даже глаза резко высохли и нагрелись, а от выставленной руки пахнуло паленым волосом. Есть, значит, у меня растительность на тыльной стороне ладони. Вернее, была.

– Давай-давай, сгори еще сейчас.

Мы сидели вплотную, но никого и ничего, кроме слоистого огня, видно не было. Голоса как будто сгущались из темноты – этот справа, другой слева. Прикольно.

– Это приказ? – осведомился я, обозначив, что если да, то прямо сейчас спляшу в огне, как болгарская девушка из «Клуба кинопутешествий».

– Кто же тебе прикажет, – снисходительно протянули с другой стороны.

– А во-от, – сказал я торжественно и вернулся на бревно, поерзав задницей, чтобы подвинулись. – Помните об этом, дети мои.

Справа прилетело по башке.

– Давай-давай, резвись, пока можно, – сказал я безмятежно. – Завтра под трибунал за такое пойдешь.

– Вот ведь. А у тебя эта, как ее, гауптвахта есть?
– Устроим, – сказал я. – Может, и пистолет выдадут.

Слева хмыкнули. Я завелся:

– Чего ржешь-то? Сейчас даже пилотам в самолетах выдают, чтобы в Турцию и в этот, Израиль, не угоняли. А у нас не самолет вообще-то.

– Ты куда угонять будешь, в Турцию или Израиль? – немедленно спросили слева.

Справа подхватили:

– А можно на тропические острова, чтобы тепло, апельсины, бананы, океан, птички всякие?

– Попугаи, – подхватил я и томно протянул: – Вы не были на Таи-ити?

По спине будто провели мокрым одеялом: от степи дунуло. Я завозился и тут же замер: справа меня с шуршанием накрыл кусок настоящего одеяла, теплого. И тут же другое одеяло накрыло слева – с головой.

Я проглотил едва не вылетевшее из горла «Э, чё творите-то», зажмурился и некоторое время висел в темной, но очень уютной тесноте. Спереди она была жаркой, сзади – согревающейся из прохлады, снизу – твердой и неровной, сверху – холодной, бесконечной и манящей, справа и слева – теплой и родной. Манящей вправо.

Можно было попробовать просунуть правую руку, приобнять там или просто потрогать, но это было неправильно и нарушало условия тесноты, которые никто никому не ставил, но которые все понимали и так. Как-то. Телом и душой. Теп-

лом, которое поднимается, вытесняя холод сладкой дрожью.

Наверное, это и называется счастьем, вдруг остро понял я.

Я потер нос, в котором защекотало, и бодро сказал:

– Что там с углями, готовы? Картоху закладываем?

– Рано. Сгорит, – сказали слева, где все шибко умные и рассудительные.

Вот и ладушки. Шевелиться не хотелось вообще.

Жаль, язык у меня всегда готов шевелиться. Без согласования с остальным мной.

– Боимся, ребзя? – осведомился я вполголоса.

Справа фыркнули, а слева спросили:

– Сам-то как?

Я вытянул ноги к огню, пошевелил стремительно накаляющимися резиновыми носками полукед и сказал:

– А смысл? Лететь надо? Надо. Кто-то, кроме нас, сможет? Не сможет. Мы готовы? Готовы. Для нас все всё сделали? Ага. Так фигли тут выпендриваться? И фигли бояться?

– Страх – он же не спрашивает.

– А я не отвечаю.

– Лишь бы брякнуть чего, – одобрительно, кажется, сказали справа.

– Учись, мать, у дедушки, пока он жив.

Я зашипел, убирая скрючившиеся от жара ноги, и быстро, пока со всех сторон не принялись напоминать, что все тут старше меня, спросил то, о чем спрашивать вообще не собирался:

– Как вы думаете, нам Героев дадут?

– Размечтался, – фыркнули справа и тут же добавили почти без паузы: – А чего нет? Всем дают, а мы чем хуже?

– Возрастом, – с раздражающей, как обычно, рассудительностью напомнили слева. – И вообще, я не уверен, что в невоенное время пионеры-герои возможны.

– Если не уверен, меня спрашивай, – посоветовал я. – Фотку Брежнева в пионерском галстуке видел? В Артеке там и так далее. Ну и все. А он сколькижды Герой у нас был?

Справа хмыкнули, слева зашевелились, явно готовясь рассказать древний анекдот. Это надо было опережать:

– Да-да, помним-помним, «к Жукову не полечу, у него звезды порохом пахнут, а у тебя липой». У нас-то не липой будут.

– Если справимся, – почти беззвучно сказали справа.

– Ты что? – спросил я, развернувшись так, что слетели оба одеяла. – Ты заканчивай. Заболела? Не готова? Очко на минусе?

– Так с девочками нельзя разговаривать, – отрезала она.

Обиделась. Вот и хорошо.

– Ты не девочка, ты бортинженер! – рявкнул я. – Тебя взяли, тебе доверили, тебя обучили, от тебя все на свете зависит! Ты это помнишь?

Даже в кромешной тьме было понятно, что она уставилась на меня с ненавистью и, наверное, готова заплакать. На левое плечо легла ладонь – полегче, мол. Я ее сбросил. Какое тут

легче, блин. Тут всей тяжестью и со всего размаху надо.

– Если сомневаешься, давай сейчас, пока не поздно, доложим, в двухместном режиме на старт пойдем, как и планировалось, Главный говорил…

– Кончай базар! – прошипела она. – В двухместном захотел. Фиг тебе, понял? Вы люк от сопла не отличите, теоретики, куда вас одних в космос отпускать?

– Вот именно, – подхватил я, успокаиваясь. – Тебя почему отобрали-то? Ты, смотри, вот сейчас спать ляжешь, и тебе во сне команду дадут, что делать, – ты сделаешь?

– Да ладно, – протянула она презрительно и явно через силу.

– Ну и все, – отрезал я, как-то сразу успокаиваясь. – Значит, и там сделаешь, и где угодно, сколько угодно раз. Это и называется – справилась.

– А если мы сделаем, а она все равно…

– Тихо! – рявкнули уже слева – так, что мы оба вздрогнули и пришли в себя.

В самом деле, сидим под открытым небом, дебилы, и про такое говорим. А небо слышит. И она слышит.

Глупости, конечно, но никто же обратного не доказал.

Мы задрали головы и некоторое время пялились – привыкая к тьме после пламени и боясь привыкнуть совсем – в черное холодное небо с яркими звездами, невидимыми планетами и совсем будто не существующими кометами, умеющими, оказывается, превращать в несуществующее то, что

вот только что существовало в сотнях тысяч километров от них.

Мир так устроен.

Взмах крыла бабочки на одном континенте пробуждает цунами рядом с другим, а неосторожное упоминание или даже мысль о космическом объекте заставляет, быть может, этот объект сменить траекторию, повернуться или пойти на голос. Это раньше было просто: вот Земля, вот Луна, вот Солнце, вот прочие звезды, сила тяготения есть – они взаимодействуют, нет – привет, плюют друг на друга. А теперь оказалось, что не плюют. Что всякий луч, коснувшийся твоего глаза, через этот глаз что-то делает с твоим мозгом. Каждая частица есть волна, омывающая разные части Млечного Пути. На каждое световое действие найдется магнитное противодействие. И вся Вселенная пронизана паутиной тонких, но тяжеленных нитей, которые, натянувшись, способны скомкать, перекосить и разодрать любой участок Галактики, если не всю Галактику, как зацепившаяся за застежку сапога петелька может разодрать и скомкать женский чулок. И никто не знает, не касается ли его локтя в этот миг одна из таких нитей – так, что неосторожное движение если не погубит мир, которого мы не знаем, то хлопнет пистоном, безобидным, когда лежит на ладошке, и смертоносным, когда этот пистон вмурован в капсюль патрона или бомбы. Смертоносным для одного человека. А мы готовимся спасти тысячи. Десятки тысяч. Миллионы. Не дать их убить. Завтра.

– Мафон куплю, – мечтательно сказали слева. – Фирменный. И кассет. Штук пять сразу.

Я задохнулся от смеси возмущения, удивления и любопытства. Во-первых, вот нашел о чем мечтать в такой момент. Во-вторых – вот уж от кого я не ожидал таких мечтаний. В-третьих, кого, интересно, он записывать собрался, весь правильный такой? Не хеви-метал же и не Арканю Северного. Высоцкого, небось, или вообще Пугачеву.

Спросить я не успел – справа, конечно, опередили. Куда более презрительным тоном, чем тот, на который я был способен:

– Размечтался.

Надо ей анекдот «Размечтался, одноглазый» рассказать, подумал я.

А она продолжила:

– Фирменный знаешь сколько стоит? Ты думаешь, тебе Ленинскую премию дадут или там Государственную? Или зарплату как у академика?

Слева вздохнули.

– Ну мы же не за зарплату, правильно? – спросил я. – И не за мафон.

– А за что? За счастье народное?

– За карто-ошечку, – протянул я, нагибаясь за газетным свертком. – Ветку мне подай, будь другом. Сейчас покажу вам, что такое настоящий пацанский картофан. А что запишешь-то? Аббаба-бонимэ?

– Да что угодно. Там же можно даже книги, например, записывать. Достать не смог – пофиг, в библиотеке взял, сам вслух начитал, и всю дорогу она с тобой, как музон, захотел – послушал.

Я, подумав, пока закрывал картошку углями, очень серьезно посоветовал:

– Можно сразу как «Бременских музыкантов» читать, с песенками. Самому сочинить, и, как диктовать задолбался, петь начинаешь.

Справа глумливо пропели старательным басом:

– Ла-ла-ла-лай ла-ла-ла.

Слева в тон повторили:

– Ла-ла-ла-лай ла-ла-ла.

И я завыл романтическим голосом:

– Куда ты, тропинка, меня привела!

– Интересно, что они поют? – проскрипел Главный.

– «Спят усталые игрушки», – предположил Обухов. – Им баиньки давно пора, а дозорный говорит, они не только поют, они еще картошку печь собрались. Завтра вареные встанут, а нельзя завтра вареными-то.

– Пусть. Старт поздний, подъем по такому поводу можем на часок сместить. Зато будет своя традиция перед стартом. Песни, костер, картошечка. Не хуже, чем «Белое солнце пустыни» смотреть и на колесо автобуса мочиться.

– Думаете, дойдет до традиции? В смысле, еще детишек

до полетов допустят?

– Да куда денутся. Лишь бы эти…

Главный замолчал, застыв лицом к окну, за которым приплясывал далекий светляк костра. Светляк казался очень маленьким. Обычно пламя отбрасывает длинные тени, но тени от этого костра были невыносимо короткими.

Обухов отвернулся от окна и вполголоса сказал:

– «Куда денутся». Удачно пройдет – значит, дети должны летать. Неудачно – значит, никто никогда летать не будет.

Главный укоризненно скрипнул. Обухов, сунув руки в карманы, продолжил:

– Мочиться все равно придется. Перед стартом-то как иначе. Это у американцев подгузники, знай под себя ходят. А у нас даже дети не ссутся.

Главный скрипнул – кажется, с одобрением – и поехал к выходу. У двери он остановил коляску и сказал:

– Через часок все-таки отбой им сыграй. Не через дозорного, сам.

– Обижаете, Алексей Афанасьевич. Когда уж я не сам-то.

– Вот и молодец. Ну и про мочиться и прочее – пусть они тоже сами решат. Это их полет, их решение, их ответственность.

– Через сутки, чуть больше, само решится.

– Через сутки, чуть больше, все решится, – сказал Главный и выехал в дверь.

Через сутки, чуть больше, я вбежал в подземный ход, задыхаясь, и сказал:

– Все херово. На космодромной части все разрушено, котлован остался. На аэродромной фирмовых машин полно и флаг вместо нашего французский, что ли. Нас, по ходу, НАТО захватило.

– Бал-лин. А время-то какое?

– Получается, военное, – сказал я. – Ладно. Переходим к плану «Хэ». Что там первым делом уничтожать надо?

Часть первая. Общий сбор

Заслуженный отдых

В пионеры всех принимают одинаково. Собирают в актовом или спортивном зале, реже в классе, рекреации или на школьном дворе, выводят перед линейкой и заставляют, держа приготовленный галстук на выставленном перед животом левом предплечье, хором декламировать давно выученное наизусть: «Перед лицом своих товарищей торжественно обещаю горячо любить свою Родину, жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия…»

В «Пионер» принимали очень по-разному и не всех. Точнее, почти никого и не приняли. И вообще все было не так, как говорили. Совсем не так – по-дурацки, неожиданно, странно. Тем обиднее было уезжать, толком не распробовав эту странность.

Но не приехать, наверное, было бы еще обиднее.

Антона, можно сказать, сняли с парашютной вышки. Он все-таки договорился с братьями Васильчуками из старшего отряда, который уже вовсю прыгал. Братья обещали, что прикроют и отвлекут Гафурыча, а Антон за это пригонит молодняк на субботник. За субботник надо было очистить

двор, захламленный так, будто звено бомбардировщиков лет пять тренировалось в прицельном бомбометании с помощью переполненных мусорных урн. Но Антон убрал бы весь двор и в одиночку, а потом подмел бы и протер водой с хозяйственным мылом каждый кусок разбитого асфальта и каждую квелую травинку. Если бы удалось прыгнуть.

Не удалось. Дед Марлен, старый да слепой, умудрился заметить, когда Антон спешно, но почти беззвучно добрался только до второй промежуточной площадки. Дед Марлен дунул в свисток. Пронзительная трель прибила Антона к перилам. Через пару секунд во двор выскочил Гафурыч. За его спиной мелькнули и исчезли от греха Васильчуки.

– Сползай быстро, – скомандовал Гафурыч.

Антон, помедлив, сполз, сунул руки в карманы и замер у перил.

Вот и прыгнул. Прочь от клуба.

Может, простит?

– Яхонтов, подойди, – сказал Гафурыч.

Не простит.

Антон, нахмурившись, чтоб не разреветься, подошел, поддерживая прихваченную ремнем к поясу и уже ненужную полупудовую гирю.

– Тебе сколько лет? – спросил Гафурыч.

Как будто не знал.

Антон дернул плечом, но все-таки ответил как положено:

– Тринадцать через два месяца, Марат Гафурович.

– А на вышку со скольки лезть можно?

– С пятнадцати. Но я же умею…

– А что мне будет, если ты зависнешь, или ногу сломаешь, или просто кто-то стукнет?

Посадят, хотел сказать Антон, но не сказал, а набычился, чтобы не были видны потекшие все-таки горячие слезы.

Гафурыч вздохнул. Антон съежился. Сейчас скажет: «Сам все понимаешь, отчислен».

– Мне в тюрьму пойти нетрудно, как говорится, не зарекаюсь. А вот если ты покалечишься или…

Он сказал что-то непонятное и, вздохнув, продолжил:

– Мы тут дорогу в небо протаптываем, а ты в землю норовишь. Башкой вниз. Что вот с тобой делать, не отпускать теперь, что ли?

Антон переступил с ноги на ногу, перехватил совсем потяжелевшую гирю, чтобы не давила на бедро, и сипло спросил:

– Куда не отпускать?

– Да отстегни ты ее, – сказал Гафурыч. – Мне днем позвонили, спрашивали, можно ли тебя на сборы выдернуть – ну не тебя, а лучшего в клубе до комсомольского возраста. Всесоюзные, «Пионер». Новые какие-то. Я тебя назвал, думал завтра обрадовать – мы же попрощались уже. А ты, оказывается, гирьку тырить побежал.

Антон дрожал от напряжения, вцепившись в гирю и боясь шмыгнуть, хлюпнуть или шевельнуться – и пропустить

негромкое слово. Гафурыч задумчиво продолжил:

– И теперь даже не знаю. Выгнать тебя? Так я же тебя уже рекомендовал, на сборы все равно поехать можешь. Отзывать рекомендацию? Ну несолидно как-то. А в клубе тебя оставить – так ты на сборах набедокуришь, весь клуб подведешь.

Антон прокашлялся, поднял мокрые глаза и твердо сказал:

– Я не подведу, Марат Гафурович.

Гафурыч непонятно смотрел на него. Вздохнул и сказал:

– Гирю верни уже в спортзал, надорвешься же. Завтра с братьями-акробатьями этими двор убираешь. Чтобы сверкал. А на субботник еще что-нибудь придумаем.

Гафурыч придумал, конечно. Антон долго не верил, что это всерьез. Что он прощен. Что он правда поедет на сборы авиалюбителей и, может, все-таки прыгнет с парашютом. Если повезет – даже не с вышки, а с самолета. А потом поедет на специальную смену в Артек. Он не верил даже сейчас, когда автобус, длинно заскрипев, остановился посреди двора, расчерканного тенями от высоких незнакомых деревьев, и невысокий усатый дядька, встречавший всех в аэропорту, скомандовал:

– Выходим и собираемся на плацу.

Сергей вскочил, подхватил чемодан и рванул к дверям первым. Надоело ему сидеть рядом с пучеглазым малым, впрямь очень малым, который не только занял место у окна,

так еще и разговор толком поддержать не мог: «да», «ну» и «ага» на все попытки пообщаться.

Впрочем, Сергей не то чтобы выворачивался в своих попытках наизнанку. Он смог бы, конечно, разговорить и глухонемого, причем на любую тему, которую требовали момент и повестка. Опыт был – но на фига? Сергей честно заслужил эти сборы и ради левых чуваков мог уже не париться.

Он старательно оттрубил два года в клубе интернациональной дружбы и полтора – в кружке юных космонавтов, научился здороваться на двадцати языках, помнил генсеков и вождей всех дружественных партий, участвовал в идиотских викторинах и соревнованиях, очных и заочных, под эгидой «Пионерской правды» и «Техники – молодежи», клеил из ватмана дебильные объемные модели ракет с фотонным двигателем, отправил сотню писем неизвестным сверстникам в ГДР, Никарагуа и во Вьетнаме, еще десять – Рейгану против программы СОИ и за освобождение Леонарда Пелтиера, два – Индире Ганди. И даже поревел немного, когда ее убили. Пора, как батя говорит, пожинать плоды – поучаствовать во всесоюзных сборах, отобраться в Артек, попасть в парадный отряд юных космонавтов и, может, даже съездить за границу. Юра из горкома комсомола так и сказал, не скрывая зависти: в космос, конечно, не отправят, а вот в Румынию и Болгарию – запросто. А если повезет, то и в капстрану – Финляндию или даже Францию, к нашему другу Кретьену.

Но пока вокруг были наши друзья-кретины, один из кото-

рых сунулся к двери из первого ряда и чуть не свалил Сергея с ног.

Сергей успел ухватиться за спинку кресла и не слетел вниз по ступенькам «икаруса», хоть и больно стукнулся голенью о край. Кретин, на которого он налетел, тоже из автобуса не выпал, а жаль: плюхнулся обратно в кресло. Еще ускорения ему добавил угол Сергеева чемодана. Сильно и не совсем нечаянно.

«Куда ты лезешь!» – чуть не рявкнул Сергей в ответ на неизбежное «Куда ты прешь!». Но кретин, слишком коротко стриженный и фигово одетый, впрямь, что ли, дебил из спецшколы, этого не сказал. Он молча потер ушибленное место, поставил на пустое кресло мешок самого бичеганского вида и указал Сергею глазами на ступеньки. Спускайся, мол, если торопишься.

– Смотреть надо, – буркнул все-таки Сергей и неторопливо, чтобы не подвернулись ноги, одна из которых болела, а другая подрагивала – мог ведь и позвоночник сломать, кабы грохнулся, – вышел из душноватого салона в свет, тепло и многослойные запахи.

Олег, оглянувшись, убедился, что больше из глубины салона никто не вылетает: все выдергивают чемоданы и сумки, со смешками уступая друг другу дорогу. Он снова подхватил рюкзак и вышел наружу. Чемоданов дома не было. Мама предлагала купить новый, подлизывалась, но Олег сказал, что не надо. Пусть себе купит, если надо со Стасиком

своим или еще каким ухажером на море ехать. А Олег возьмет рюкзак, с которым всегда отправлялся на соревнования. Старый, выцветший, затасканный по экспедициям. Таким от дяди Вити и достался, но не подвел ни разу. Этот рюкзак прошел тайгу, пустыни и океаны. Может, и до супертреков доведет. Олег его выстирал, подшил, поменял шнуровку и сказал, что для бурлака самое то.

Бурлаком его звали все, и Олег не обижался, а носил кличку как почетное звание уже второй месяц.

В ростовский полуфинал соревнований на призы «Пионерки» Олег попал с трудом. С осени мотор чихал, сбивался с ритма, а на районных просто не завелся. Новые движки тренеру Руслану Ахметовичу обещали уже третий год, а старые он перебирал чуть ли не ежедневно. Иногда это помогало. Мотор с карта Олега после третьей переборки и смены масла на супер-пупер-экспортное, выменянное Русланом Ахметовичем у парней с экспериментального участка завода имени Шерипова на что-то явно очень ценное – что именно, тренер так и не сказал, – успокоился и вел себя почти идеально. Результаты по году у Олега были стабильно хорошими, на отборах по городу и республике он был в призах, один раз даже разделил первое-второе с самим Чагаевым – и, если бы был фотофиниш, может, и первым оказался бы. Но фотофиниша не было, конечно. Ни на их автодроме, ни на взрослых трассах в Грозном, ни по всей Чечено-Ингушетии. Его и в Ростове не было. И слава богу: только фотки с

финиша Олегу не хватало.

Правила Олег сдал легко, на фигурном вождении пришел третьим – мог бы вторым, но побоялся сжечь движок, который разок чуть сбился с такта. Руслан Ахметович Олега похвалил, весь вечер возился с движком, влил остатки масла из помятой канистры, и мотор запел, как молодой.

Кольцевые Олег выигрывал просто разгромно, расцепил Чагаева и Славнюка, пытавшихся работать непроницаемой парой, обалденным маневром – втопил как будто по внешней полосе, Славнюк рванул перекрывать, а Олег дернулся влево, на перегазовке тормознул, юзом улетел вправо, заставив стопануться Славнюка и тут же – едва не бортанувшего его Чагаева, – и под слышные даже сквозь шлем и грохот пульса аплодисменты на том же ускорении обошел по внутреннему радиусу Тоома.

На предпоследний поворот Олег вышел с отрывом в почти полкруга. А на последнем движок зазвенел, оглушительно чихнул, выбросил клуб черного дыма и умер. Олег как-то сразу, заледеневшими сердцем, животом и корнем языка понял, что это навсегда. Несколько бесконечно долгих секунд он, вцепившись в руль, бережно выводил онемевший карт на обочину, где никому не помешает, а потом, пока инерция не погасла, выскочил, пристроился к корме, сгорбился, вцепился в задний отбойник и как мог быстро рванул вперед, толкая семидесятикилограммовую машину перед собой.

Это было запрещено правилами: пилот заглохшего карта

должен ждать помощи, не выходя из машины и не создавая помех для остальных. Но Олег сделал все, чтобы не создавать помех, а на дисквалификацию ему было плевать. Все равно на этом моторе ему больше не ездить, а нового он явно не дождется. Олег уже дождался того, о чем мечтал два года, – участия во всесоюзном чемпионате. Сниматься с него было глупо – да и поздно. Надо финишировать.

Карт шуршал колесами по бетону довольно шустро, к счастью не рыская в стороны. Олегу удавалось почти что бежать, и перетяжка со словом «Финиш» болталась совсем рядом, казалось прямо перед запотевшими сразу очками.

Но машины были, конечно, быстрее.

Тоом проревел мимо тут же, Славнюк проскочил через пару секунд, а Чагаев явно сбросил скорость, наверное собираясь спросить, все ли с Олегом нормально. Олег, не отвлекаясь, на секунду отцепил руку от стальной трубы отбойника и показал Тимуру, чтобы летел дальше, – и тот притопил. А сзади нарастал шум остальных машин.

Не успею, понял Олег, наддавая. Не успею, убедился он, выдыхая со стоном от натуги, боли в бедрах и коленях и треска в спине. Не успею, почти смирился он, пытаясь не реветь. И обнаружил, что перетяжка «Финиш» уже над ним и за ним.

Он финишировал четвертым.

Олег остановился, выпрямился и постоял, слегка качаясь и с трудом вдыхая сквозь грохот и рев сердца, пролетающих мимо картов и, кажется, аплодисментов. Он стянул перчатки

и наконец стащил очки с мокрого лица, утерся подолом рубашки, стыдливо покосившись на трибуны, которые орали и хлопали, зачем-то глядя на него, и потолкал карт к техплощадке.

Там его, бессмысленно копающегося в движке, в котором ни фига не разбирался – Олег его слышал и понимал, но только живой и звучащий, а очень тяжелый ребристый набор хитро сочлененных металлических штучек был просто набором тяжелых штучек, – и нашел Руслан Ахметович. Он подошел, постоял рядом и сказал:

– Я этого тебе не говорил, понял? Но ты молодец. Мужчина. Горжусь. Больше так не делай.

Олег горько ухмыльнулся и щелкнул жалом отвертки по воздухозаборнику. Не сделаю, конечно. Негде и не с чем больше.

– Вот такой, сами видите, – сказал Руслан Ахметович. – Молчун. Упертый.

Он всерьез считал Олега молчуном, но сейчас говорил не с обычной досадой, а с незнакомой гордостью. Тренер, оказывается, был не один, а с лысоватым дядькой в летнем костюме. Тот сказал:

– Здравствуй, Олег. Меня зовут Константин Петрович.

И протянул руку. Олег отложил отвертку и показал, что ладонь черная и в масле. Лысый серьезно ждал, не убирая руку. Олег, хмыкнув про себя, пожал ее. Лысый улыбнулся и сказал:

– Принято решение создать гоночную команду олимпийского резерва «Пионер» с базой во всесоюзном пионерском лагере. Хочешь туда?

Артек, сразу понял Олег. Но это был не Артек. Совсем не Артек.

– Ой колхо-оз, – протянула Юля, осмотревшись.

Громкости она не убавляла. Зачем? Обманули – получайте возмущение.

Юля выскакивала из вонючего автобуса, надеясь, что вид из окна искажался ограниченностью панорамы и немытым стеклом. В автобусе, в самолете, в поезде она задыхалась в ожидании. Сборы «Пионер» Юля представила себе в ярких цветах и сияющих подробностях, как только услышала об отборе лучших ныряльщиков для всесоюзной детской команды.

Отбирать, конечно, должны были мальчишек – и привезли сюда в основном мальчишек, как сразу с возмущением отметила Юля. И в основном не ныряльщиков и вообще не из водных видов, это бросалось в глаза. Обыкновенных, разных, но явно не умеющих задержать дыхание хотя бы на полторы минуты.

Юля могла не дышать почти три минуты – и проплыть за это время сто метров. Пусть и не в полную силу, но результат лучше в секции показывал только Альбертик, которого Юля за это сильно не любила.

Альбертика, конечно, взяли сразу – а Юле пришлось

стараться, доказывать, устроить показательное испытание и пригрозить скандалом с подключением папы. Папа этого не простил бы, но он и не узнал, так что ничего страшного не произошло, а победителей не судят. Но приехать сюда еще не значило победить. Надо настраиваться на жесткий отбор, не забывай, напомнила себе Юля, рассеянно оглядывая уже не столько двор облупленного здания, сколько вывалившихся из трех автобусов мальчишек. Девочки тоже были, но немного. Тем проще.

Альбертик, заметив Юлю, радостно ей помахал, будто подружке. Юля отвернулась. Не хватало еще, чтобы подбежал общаться у всех на глазах.

Народ кучковался, слонялся по двору и даже рассаживался в тенечке, прямо на ломаном асфальте у толстых корявых корней огромного дерева, названия которого Юля не знала. Человек сто. Ну да, как параллель из трех классов. Все лет десяти-тринадцати, хотя было несколько верзил даже выше Альбертика – и пара гномиков. Похоже, просто опережающие или отстающие в физическом развитии. Вряд ли опережающие в умственном, спортсмены же, решила Юля, которая себя спортсменкой не считала, а плаванием занималась сперва потому, что мама заставляла, а теперь потому, что глупо бросать то, что получается, приносит дипломы, медали и даже фото в городской газете.

Пловцов все-таки было больше всех. Юля видела то тут, то там лица, знакомые по соревнованиям, да и повадки вы-

давали.

Лицо девочки рядом было незнакомым, а осанка как раз подсказывала, что плаванием та сроду не занималась. Потому Юле ничем не грозила – ни умениями, ни внешними данными. Была она крупная, невзрачная и неухоженная, как Маленькая Разбойница с картинки к «Снежной королеве», к тому же в древней строительной куртке, и быстро плела что-то из цветных ниток или проводочков. Браслетик, наверное, Юле такой Лешка во втором классе подарил, умора.

– Здорово у тебя получается, – сказала она. – А мне сплетешь?

Разбойница покосилась на нее и зашевелила пальцами быстрее. Перед продуманной лестью никакая дикарка не устоит, отметила Юля удовлетворенно. Потом надо будет еще одну временную подружку подобрать, чуть симпатичнее.

– У меня как раз кофточка под цвет есть, дам потаскать, – сказала Юля, покровительственно приобняв Разбойницу.

Та изучила легшую на плечо ладонь Юли, вывернулась, подхватила чемодан и ушла на другой конец площади. Белобрысый мальчишка, топтавшийся рядом, громко хмыкнул.

Что ж. Такое Юля не забывала. Она поправила ремень сумки, чтобы не перекрывал адидасовскую коронку на олимпийке, повела глазом и убедилась, что вполне заметна и замечаема.

Это было хорошо и правильно.

Она деловито рассмотрела здание, которое было все-таки солиднее и основательнее, чем показалось сперва. Может, внутри там совсем дворец и фирма́? Запросто. Если подумать, двор-то зачем украшать? «Бесполезная красота – деньги на ветер», – говорил папа с усмешкой, наблюдая, как мама красится перед походом в гости. Мама возмущалась, Юля сперва хихикала, потом возмущалась тоже, но теперь пыталась хотя бы этой фразой примирить ожидания с реальностью.

– Все-таки какое-то небольшое здание, – доверительно сказала она как бы себе.

Белобрысый ожидаемо откликнулся:

– Фига небольшое. А ты Дом Советов хотела?

Юля окинула его снисходительным взглядом – ну симпатичный, можно сказать, – и пояснила:

– Бассейн же должен быть, правильно? Крытый и, раз сюда со всего Союза привозят, солидный. Представляю себе размерчик. И знаешь, это правильно, закон эволюции: сперва бассейн при садике, потом какой-нибудь занюханный городской два на два, потом ДЮСШ на двадцать пять метров, потом олимпийский резерв на пятьдесят – а тут, наверное, будет…

– Э, какой бассейн, – сказал Линар. – ЭВМ рядом с водой нельзя.

– Какая еще ЭВМ? – надменно спросила выгибонистая дылда в фирме́. – Тут тебе НИИ, что ли?

– А как будто нет, – ехидно отозвался пухлый пацан со значком физматшколы Академгородка – не выпускника, конечно, юбилейным или за заслуги. В олимпиаде победил, траекторию спутника рассчитал, или что они там делают.

Линар в своей школе не делал ничего подобного, поэтому страстно мечтал о новосибирском или колмогоровском интернате. Никуда бы он, конечно, не попал, если бы не Фая. Хорошо, когда родная тетка, к тому же официальная опекунша, работает в роно. Линар бы, конечно, предпочел живых родителей, какие были, обычных инженеров нефтедобычи, но они погибли десять лет назад по пути в Альметьевск. Линара с собой не взяли, потому что кашлял и температурил, хотя он тоже очень просился в гости и ныл. Оставили у бабушки. Думали, на полтора дня, оказалось – навсегда.

Фая оформила опеку, но опекала, конечно, бабушка, закармливая и забалтывая до одури – ладно хоть Линар не разбирал почти ничего, – пока ее младшая дочь моталась по строящимся школам района. К воспитанию племянника она подключалась только в крайних случаях. Вернее, не к воспитанию – просто садилась напротив, долго молчала, потом вздыхала и спрашивала:

– Ты понял?

Линар кивал – так было проще, хотя ни фига он, конечно, не понял и виноватым себя не чувствовал. Почти. Перед Фаей просто неловко – ей и так трудно, она, наверное, нормальную семью хотела, а не математического вундеркинда-спе-

циалиста, доводящего учителей до приступов и срывающего городские олимпиады.

Фая трижды не позволила выгнать Линара из школы – и два раза он правда не сделал ничего плохого, а в третий вот психанул, если честно, и расписал на стене перед залом, где проходила олимпиада, три правильных решения задачи вместо того уродского, которое шло в зачет, но все равно стоял на своем: «А чего я-то сразу». Все равно не поверят.

Самое обидное, что про третий случай как раз поверили, а про первые два раза нет. Линар вообще обозлился. Ненадолго. Пока чувак, все собрание тихо просидевший в углу кабинета, не догнал его с Фаей в коридоре и не предложил участие в выездном физматлагере «Пионер», по итогам которого будут отбираться ученики спецшкол в Москве, Новосибирске и Киеве.

– Это там постоянно жить, что ли? Чтобы мальчик опять семьи… – начала Фая, но вовремя заткнулась.

Чувак переводил взгляд с Фаи на Линара. Линар умоляюще смотрел на Фаю. Фая шмыгнула носом и отвернулась к окну.

И Линар поехал в лагерь.

Он ждал, что увидит натуральный лагерь, то ли пионерский, то ли спортивный или полувоенный, с домиками либо палатками и огромным залом ЭВМ вместо стадиона – а может, даже с отдельными ЭВМ, настоящими, шестнадцати-, а то и тридцатидвухразрядными, в каждом, ну или хотя бы

только его, Линара, домике, – хотя кто же такую роскошь, тем более инвалютную, детям даст. А увидел здоровенный особняк, обсаженный огромными деревьями по периметру плаца, на котором не было видно люков колодцев спецсвязи. И по воздуху провода к зданию не тянулись.

– Может, автономный машинный парк просто, – предположил пухлый пацан, следивший за озираниями Линара.

– Или радиосвязь, как в кино, – ехидно поддакнул Линар. – Или со спутника. И питание от него же.

– Да фигли, могли и под асфальтом проложить. Ленточные провода такие, слышал? У нас уже вовсю используются, – сказал пухлый, небрежно выпячивая значок на титьке размером посолиднее, чем у рослой выгибалы, наблюдавшей за ними с презрительным непониманием. Чего от нее еще ждать-то.

Линар, поманив пухлого пальцем, сорвался с места и довольно быстро нашел хмурую девчонку в выгоревшей штормовке с нашивкой «Байпазинская ГЭС», которая так и вывязывала ленту из проводов. Пухлый, пыхтя, обстукивая чемоданом голени и бормоча «Да фигли ты мне покажешь, я сам бэкашки собираю», не отстал. Линар сказал ему:

– Ленточные, говоришь? Вот, смотри.

Он повернулся к девчонке.

– Покежь-ка на минутку. Да не боись, не отберу. Просто покажи. Ты правда думаешь… Так, стоп. Это у тебя реально кабель, что ли? А так можно, что ли, скручивание наводки

не дает?

Инна сумрачно смотрела на белобрысого несолидного парнишку в старомодной клетчатой рубашке и неглаженых штанах, который оказался первым, кто опознал ленточный кабель, – пусть и задавал совершенно глупые вопросы. Может, и не совсем пропащей поездочка будет, подумала она. Научить тут фиг чему научат, но если хоть с одним нормальным человеком получится по делу пообщаться, будем считать, что смена удалась. А родаки пусть свою Риммочку любят, она хорошая, румяная и ласковая, не то что злая старшая дочь, которая копается в своих железках и вечно торчит в мастерских, слова доброго от нее не услышишь. Так что езжай, конечно, дочурка, на этот смотр детского технического творчества «Пионер», если зовут по линии СТТМ и ВОИР, отдохни, страну посмотри, а мы тут справимся.

А я тут без вас тем более справлюсь. Раз в жизни в книжку попаду, пусть и дурацкую, детскую, Носова или Осеевой.

Она немного недооценивала программу следующих недель.

Они все ее недооценивали.

– Внимание, строимся в четыре шеренги, – прогремел голос из мегафона.

Народ, переговариваясь, потянулся к четырем мужикам, которые показывали, как строиться.

Что ж, подумала Инна, окидывая взглядом яркое от солнца пространство между черных теней от чинар, почти таких

же, как дома, но помельче и помоложе, конечно. Никто не обещал, что обойдемся без построений. У нас не бывает, чтобы без линеек, маршировки и смотров строя и песни. А я так надеялась. Она подхватила чемодан, чтобы влиться в уже сформированный прямоугольный строй, и вздрогнула.

Ей показалось, что к стеклу второго этажа на миг прижалось страшное перекошенное лицо.

Инна всмотрелась. В стекле чуть колыхалось почти черное отражение листьев чинары.

Ну вот я и в книжке, подумала Инна, вставая в строй. Осталось понять, Конан Дойл это или Бронте.

Задание со звездочкой

Юля проснулась от крикливой беседы птиц за окном. Тон беседы был надтреснутым и сиплым, но не пугал и не напрягал, а напоминал: я не дома, а страшно далеко, и это только начало большого интересного пути вперед и вверх. Она улыбнулась, потянулась и постаралась быстренько уснуть, пока не заорали подъем.

Вчера на первом построении усатый объяснил, что им повезло. Это, оказывается, был не отборочный центр, а импровизированный – он так красиво и сказал – перевалочный пункт, в котором придется посидеть полтора дня, потому что в самом центре, не Артеке, к сожалению, а другом большом комплексе специализированных пионерлагерей «Ленинский путь», не успели завершить санобработку. «Зимой там завелись мышки, а вывелись не сразу, – сказал усатый. – Теперь-то все нормально, но надо все как следует прибрать и вымыть, прежде чем запускать талантливых детей…»

– Вместо мышек, – подсказал белобрысый грубиян.

Вокруг хихикнули. Юля взглянула на болтуна с досадой. Она остро пожалела мышек, таких миленьких, сереньких, с черными глазками и голыми хвостиками, – и чуть не взвизгнула, вдруг четко представив себе их, миленьких-глазастеньких, толстым серым ковром подходящих все ближе.

Усатый, не отвлекаясь, закончил: «…поэтому талантли-

вым детям придется до завтрашнего вечера, когда выдвинемся уже к месту назначения, отдыхать, знакомиться друг с другом и радоваться жизни. Кто совсем заскучает, может развлечься общими и индивидуальными заданиями для развития. Папки с вашими фамилиями лежат на ваших кроватях, программы составлены для каждого отдельно на всю смену, в конце папки бланк, в котором можно ставить галочки напротив строчек с пройденными испытаниями».

Кто-то из задней шеренги задал терзавший всех, наверное, вопрос:

– Это обязательно?

Усатый усмехнулся.

– Нет. Задание со звездочкой, для вашего развития. Не хотите – не развивайтесь, кто заставит. Вы сюда приехали, какие-то свои планы отменили или отложили, потратили свое время, силы и дальше собираетесь ехать. Так? Я уж молчу про деньги, которые государство на вас выделило. Хотите, чтобы все это зря было? Что ж. Никто не спросит. Вы люди взрослые, талантливые, сами решайте.

Ага, подумала Юля. Это и есть первое испытание. Дураки будут развлекаться, а заметят тех, кто ответственный и старательный. У меня все шансы. Если, конечно, вот с этими только соревноваться надо.

– А старшие группы будут? – вкрадчиво спросила Юля.

– Тебе сколько лет, тринадцать? – уточнил усатый, дождался кивка и сообщил: – Ну вот ты и есть старшая. Лагерь

правда пионерский, строго на девять – четырнадцать. Каждый из вас отобран после долгих наблюдений и обсуждений, так что больше никого не будет. Если про совсем старших… Да, забыл сразу сказать: по любым вопросам можно и нужно обращаться к наставникам. Например, ко мне – меня зовут Анатолий Александрович – и к воспитателям, старший воспитатель – Майя Петровна.

Невысокая женщина, которую Юля сперва приняла за девочку, встала рядом с усатым и улыбнулась.

Она и повела девочек на медосмотр, халтурнее даже, чем перед районными соревнованиями: медсестра просто измеряла пульс, спрашивала про самочувствие и отпускала. Мальчишек на такой же, судя по всему, осмотр сопровождали дядьки с усатым во главе. Но сперва все, мальчики и девочки вперемешку, но без взрослых, зачем-то пару минут торчали в большом пустом зале справа от лестницы. Усатый непонятно сказал: «Санкварцевание», велел смотреть друг на друга и кричать, если вдруг кому-то станет дурно с дороги, а сам вышел, плотно прикрыв дверь. Все неловко смотрели – друг на друга, в крапчатый металлический пол, в сетку замысловатых трещин на высоком потолке – и хихикали, кто-то – белобрысый, наверное, – вообще громко ржал, а Юля, поджав губы, пережидала неловкую ситуацию, от которой аж мурашки по спине бегали.

«Ну и организация», – думала она.

Но в целом здание оказалось не противным и не мрач-

ным – темноватым и стареньким, конечно, но отмытым, ухоженным и даже без обычных запахов готовки и уборки. Пахло тут почему-то химлабораторией и немного папиным гаражом. Палата зато оказалась светлой и даже слишком большой для одиннадцати девочек, сетчатые кровати довольно удобными и расставленными вдоль окон – так что воевать за лучшее место не пришлось: все хороши. К тому же места уже распределили: на тумбочке возле каждой кровати лежала зеленая пластиковая папка-скоросшиватель с фамилией за прозрачным окошечком.

– Туалет для девочек в конце коридора справа, душ рядом, на первом этаже туалет тоже есть, – сказала Майя Петровна. – Дополнительные одеяла, если надо, вот в этом шкафу. Столовая на первом этаже в правом крыле, на ужин можно спускаться… Да, уже через час. Завтрак с восьми утра. Если проголодаетесь раньше, у дверей столовой есть электрические чайники, можно сделать чай или какао, там же печенье. Еще вопросы есть?

– А бассейн?.. – не выдержала все-таки Юля.

– Бассейн не работает, – помедлив, с явным сожалением ответила Майя Петровна. – В «Ленинском пути» есть, потерпи уж денек. А пока отдыхайте.

Юля кивнула.

В рассказ про необязательность испытаний и свободный режим она, конечно, не поверила. В разных лагерях бывала, знает, что это. Даже в обычном пионерлагере не быва-

ет такого, чтоб привезли отдыхать и не дергали мероприятиями, маршировкой и физкультурно-оздоровительной программой. Как вожатым и воспитателям потом отчитываться о проделанной работе, если мероприятий не было? А от спортивного и тем более специального лагеря тем более пощады не жди. Поднимут с рассветом, и бегом-бегом: зарядка, ОФП, бег, прыжки, пионербол и под вечер кросс, чтобы дискотеку не клянчили, а срубились носом в подушку и не шевелились до рассвета и следующей мучительной побудки.

Здесь вечер получился не таким. Девчонки разбежались сразу, покидав вещи как попало и не дав Юле шанса обозначить свои преимущества или просто познакомиться. Разбойница первой и ушла, прихватив, кажется, папку с собой.

Юля полистала свою папку, хмыкнула, прошлась по палате и проверила еще несколько папок. В каждой был с десяток листков: две схемы – окрестностей этого здания, называвшегося, оказывается, «Дальняя дача», и пионерлагеря «Ленинский путь», пяток листков «Комплексная программа гармоничного развития подростка», скучных, как методичка для составления личного комплексного плана ученика шестого класса, и самое интересное – пара машинописных листков «Показатели индивидуального развития Ю. Широковой».

Листки были заполнены пронумерованным перечнем, каждый пункт которого состоял из двух строк. Вторая строка была везде одинаковой: «По состоянию на 1 июня 1985», потом число или пара слов, дальше «По состоянию на 25 июня

1985» и пробел. Первая строчка описывала умения и навыки Юли, о многих из которых она и не подозревала – и тем более подумать не могла, что кому-то известно, с какой скоростью Ю. Широкова не только проплывает стометровку, но и пробегает километр, читает страницу текста, решает простое линейное уравнение и подшивает воротничок к школьной форме.

Еще там были скучные показатели из школы и секции: рост, вес, отжимания, подтягивания, длина и высота прыжка, пульс до и после бега. Были и менее ожидаемые пункты: способность задерживать дыхание на малой глубине («2 мин. 23 сек.», вранье, в последний раз она выдержала на двадцать пять секунд дольше) и на глубине 10 м (прочерк), меткость попадания баскетбольным мячом в корзину с 10 м (3 из 10, хотя Юля не помнила, чтобы когда-то сдавала этот норматив) и в цель из малокалиберной винтовки (прочерк, конечно), скорость преодоления 50-метровой дистанции с препятствиями бегом, в противогазе, на горных лыжах и карте (прочерки), скорость сборки-разборки АКМ и стандартной аптечки, снаряжения магазина, даже надевания-снимания костюма химзащиты и трехболтового водолазного снаряжения (тоже прочерки). И была куча каких-то малопонятных или совсем нерусских формулировок, в основном математических, медицинских либо совершенно загадочных вроде «пробы Ромберга», «кресла Барани» и «качелей Хилова».

Антон отложил папку и задумался. Парашютной вышки на плане «Ленинского пути» не было. На плане «Дальней дачи», конечно, тоже – впрочем, это он и так видел.

Приехал, называется. Попрыгать. На кровати, видимо, прыгать придется.

Блин, подумал Антон, и стукнул кулаком в матрас. Сетка задребезжала, Антон качнулся. Блин, повторил он и отчаянно огляделся.

Всем было не до него. Всем было пофиг. Все были довольны и счастливы: скакали по кроватям, знакомились, хвастались значками и книжками, рассказывали анекдоты и строили богатые планы на предстоящую смену. Как Антон вчера.

В дверь сунулся невысокий рыжий салажонок, еще мельче Антона. Он обвел всех торжественным взглядом и многозначительно сказал:

– Паца.

Восстал в дверном проеме полностью и звонко стукнул в пол футбольным мячиком.

Народ заорал и рванул к рыжему. Тот заорал еще громче и рванул прочь. Из коридора сквозь рокот шагов донесся грохот в двери и вопль:

– Паца, айда в футбол, палата на палату, проигравшим поджопники!

Пойти поиграть, что ли, уныло подумал Антон. Играл он неплохо, во дворе за него скандалила каждая команда. Разок даже в секцию звали. Антон не пошел, потому что хотел в

небо. Поэтому и сюда приехал.

Он тягостно вздохнул и понял, что не один. У изножья кровати нерешительно улыбался нескладно длинный курносый парень. Он сказал:

– Не любишь в футбол, да? Там еще мячи есть, наверное. Можно в «квадрат» или в баскет, баскетбольных тоже небось полно.

Гомон вывалился под окна и теперь смещался в сторону футбольного поля. Длинный прислушивался к нему, топчась, будто боевой конь, с трудом удерживающий себя от броска к поющей трубе. Жалеет он меня, что ли, подумал Антон.

– Ага, – сказал он. – Баскетболист, да?

Длинный засмеялся.

– Все так думают, раз шланг такой. Не, у меня плавание. Первый юношеский, победитель областных и тэдэ. Но бассейна тут, кажись, нет, так что надо чем-то еще. Альберт.

Антон, пожимая протянутую руку, представился в ответ и, помедлив, признался:

– А я парашютным… Хотел. Тем более ни фига нету. Ни вышек, ничего.

– Вроде не видать. А какая у вас там подготовка? Прыжки, приседания, батут? Можно их поискать.

– Давай в баскет, – сказал Антон и похлопал по папке. – У меня тут что-то результаты фиговые совсем, надо тренироваться.

Линар подождал, убедился, что звуки в коридоре растворились совсем, как сахар в чае, упал на кровать, раскинув руки, и некоторое время блаженно улыбался. Он был один в огромной палате, совсем один. Не надо ни с кем разговаривать, к кому-то прислушиваться, на кого-то реагировать, кого-то развлекать, кого-то видеть хотя бы краем глаза. Просто лежи сам по себе и радуйся. Хочешь – книжку читай, хочешь – думу думай.

Не хочу, решил Линар и долгую минуту наслаждался мысленной невесомостью – кругом пустота, а он висит посередке и сам пустой и легкий.

Вторую минуту он пытался объяснить себе, что это нормально и правильно. Даже справился вроде с этим, но устал. И чем дольше лежишь, тем сильнее устанешь, понял Линар уныло и с кряхтением сел. Попрыгал задом на сетке, проверяя, правильно ли прикинул частоту колебаний, повертел головой, полистал папку, хмыкнул и пошел изучать пространство.

Пространство было неправильным. Не потому, что крупное и непривычное, а потому, что переделанное – не раз и всегда неумело. Как будто коридор, палаты, лестничные пролеты и этажи целиком многократно перестраивались, и всякий новый раз отщипывал кусок от прошлого. Иногда клок площади или объема. Всегда – клок смысла. Теперь смысл устройства «Дальней дачи» потерялся совсем.

Заинтригованный, Линар промаршировал, считая шаги,

по первому этажу от столовой, возле которой спугнул жующего печенюшку тощего дылду, до обитой чумазым коленкором двери в конце левого крыла. Он не ошибся: коридор был сильно у́же и короче, чем на втором этаже, и тем более – чем был построен изначально.

«Потайные комнаты, проходы между стенками и отравленные дротики из решеток вентиляции», – пробормотал Линар, поозирался, убедился, что никто не видит, и оттянул уголки глаз, всматриваясь в сумрак под потолком.

Вентиляционные решетки высмотреть не удалось, зато в высоком дальнем углу над той самой дверью что-то блеснуло. Линар подошел поближе, шагнул вправо-влево, вглядываясь, и убедился, что в стену впрямь вмурована следящая камера. Как в шпионском кино.

Значит, и потайные комнаты могут быть, и ходы, и ядерная лаборатория за дверью, подумал Линар с восторгом, подергал здоровенный кодовый замок на двери и на всякий случай набрал самые ожидаемые комбинации: 0000, 9999, 1985, 1917, 1945. Потом перебрал с 1925-го по 1965-й – логично предположить, что код на замке выставлял сотрудник этой дачи, что он использовал свой год рождения и что лет ему не меньше двадцати и не больше шестидесяти. Ну и обратное написание, от 5691 до 5291, тоже проверил. Потом спохватился, что чувак мог запечатлеть и год рождения своего ребенка, и проверил с 1965-го до 1985-го и зеркалку тоже.

Без толку. Линар растер подушечки пальцев, помятые твердыми рисками колесиков, пожмурился, выдавливая напряжение из глаз, и побрел к выходу. Футбол так футбол.

На середине коридора он остановился, подумал, сделал пару шагов и заглянул в открытую дверь, такую же, как у его палаты этажом выше. За дверью была не палата, а что-то вроде класса для взрослых: зал был неплотно заставлен столами гораздо крупнее парт, а на стене у двери висела школьная доска, явно очень старая и небрежно вытертая.

В середке зала спорили, полусидя на краешках соседних столов, два пацана. Линар махнул им рукой, но они не среагировали, увлеченные дискуссией о пропускной способности слоев атмосферы.

– Фигасе вы медалисты, – сказал Линар со старательным уважением и повернулся, чтобы выйти, но зацепился взглядом за доску, исписанную полустертыми уравнениями.

Он некоторое время постоял, разминая уже исчезнувшие вмятинки на кончиках пальцев, медленно взял мел, дописал несколько строчек в квадратной матрице, в которую упирались уравнения, положил мел на полочку под доской и отошел, изучая результат.

В центре нижней строки крупно горело число 1204, к которому в дописанных Линаром строчках лесенкой сходились такие же числа.

– Ну конечно, – сказал Линар и побежал к двери с кодовым замком.

Юля закрыла папку, подошла к окну и некоторое время, похлопывая папкой по ладони, наблюдала за тем, как мальчишки стайками и поодиночке слоняются по двору, поглядывая на старательно изображающих незаинтересованность девочек, разделившихся на две кучки. Это здорово напоминало картинку из жизни микробов или там вакуолей в окуляре микроскопа. Вакуолью я точно не буду, решила Юля.

Конечно, ставить себя в коллективе надо сразу, но сейчас лучше было выждать. Девочки от меня никуда не денутся, а к мальчишкам сперва лучше бы присмотреться издалека, решила Юля. Она снова открыла папку, изучила схему дорожек и треков, быстренько переоделась в спортивный костюм, спустилась и деловито прошла через двор, не обращая внимания на пренебрежительные взгляды, подсвистывания и иронические замечания. Костюм у нее был отличный, фигура тоже, пусть и, по словам мамы, не совсем еще сформировавшаяся, – так что хоть обсвиститесь. А замечания – это хорошо. Лучше быть заметной, чем никому не нужной.

– О, тренироваться? – воскликнул возникший вдруг рядом Альбертик с баскетбольным мячом под мышкой. – Молодец, это надо. Хочешь, вместе пробежимся? Или сыграем?

Он стукнул тяжелым мячом в асфальт. Юля фыркнула и ускорила шаг. Догонять этот балбес вроде не пытался.

Бегать Юля не любила, но эта пробежка, без толкучки других девчонок, понуканий тренера и тикающего внутри секундомера, получилась удивительно приятной. Тело про-

грелось и стало всемогущим, ноги летели сами, лес вокруг был красивым и не страшным, как в сказке, воздух сладким, а комары ленивыми. Только на финише, когда она уже не бежала, а, успокаивая дыхание, шагала ко двору мимо пустой, к счастью, баскетбольной площадки и каких-то крашенных зеленым сарайчиков, из-за них донесся стук и звон разбитого стекла. Юля вздрогнула и пошла быстрее.

– Ты неправильно кидаешь, – сказал Сергей. – Руку вот так надо, не к уху, а в сторону.

Он показал. Вадя кинул и почти попал: камешек со стуком отскочил от рамы над недобитым осколком. Вадя зарычал и зашарил в заросших травой обломках со словами:

– Я ща кирпидон найду и кирпидоном…

– Э, в очередь! – возмутился Жендос и отпихнул Вадю с точки ведения огня.

Он поднял камушек, прицелился и вздрогнул вместе с остальными от резкого:

– Блин, вы что творите?!

Рука дрогнула, камень со звоном расколотил нижнюю часть остекления вместо длинного осколка в верхней части.

На краю полянки или даже микродворика, образованного полукругом сарайчиков, стоял взъерошенный пучеглазый малой, сосед Сергея по автобусу, и смотрел на Жендоса, как разъяренный завуч.

– Нечестно, так бы и я мог! – заныл Вадя.

– А я специально? – огрызнулся Жендос. – Меня этот

спугнул. Фигли орешь под руку?

– Вы вообще нюх потеряли? – спросил наглый щегол.

Еще один прекрасный вопрос, такие всегда к месту и ко времени. Сергей спросил, не вставая с кучи досок:

– Ты комендант или милиционер?

Щегол подошел к двери и рассмотрел ее. От правого верхнего квадрата остекления остался косой клык, в правом нижнем будто раскинуло лучи солнышко, темное и кривое, как на детском рисунке. Щегол повернулся и сказал:

– Блин, вас сюда привезли, кормят, учат, деньги тратят, а вы стекла бьете.

– Слышь, что наехал? – возмутился Жендос. – Там сразу разбито было, все равно менять. Мы просто меткость тренировали. А в нижнее я из-за тебя попал.

Сергей встал, шагнул к точке ведения огня и сказал:

– Отошел. Моя очередь.

– Все равно этот мешает, – напомнил Жендос, но неохотно освободил позицию.

– Его проблемы, – пробормотал Сергей и выбрал камешек помельче. – Следующий покрупнее будет, потом кирпидоном, как Вадя хотел.

Щегол посмотрел на него, оглянулся на разбитое стекло и задрал руки – не сдаваясь, а так, чтобы прикрыть мишень.

– Слушай, ну его на фиг, – сказал Жендос.

Сергей прицелился, глядя поверх камешка. Пальцы у щегла были растопырены. Круто будет, если камешек свистнет

между пальцев и попадет в осколок, в стиле Робин Гуда.

– Серый, не надо, – сказал Вадя тревожно.

Вот ссыкуны. А зацеплю щегла – так он сам виноват, не мешай старшим, тем более не лезь на линию огня.

Сергей отвел руку.

– Ушибу, – сказали сбоку.

Все вздрогнули и повернулись.

Теперь на краю полянки стоял коротко стриженный пацан, о которого Сергей споткнулся в автобусе. Вот напасть. Вечно он под ногами путается.

Пацан держал в руке обломок кирпича.

– Ты чего лезешь, а? – спросил Жендос. – Мы просто играем. Да, Серый?

Сергей улыбнулся и, переводя взгляд со стриженого на щегла, замахнулся посильнее. Щегол затоптался, водя руками, чтобы прикрыть побольше стекла. Стриженый отвел руку для броска. И Сергей понял, что кирпич обязательно попадет. В него. В плечо, в ухо или в висок. Или глаз выбьет.

Сергей потоптался, почти как щегол, наверное. Разозлился, отшвырнул камешек – щегол выдохнул, заметно обмякая, – и развернулся к стриженому:

– Слышь, пролетарий. Ты с булыжником только самый дерзкий, да? Иди сюда, давай как пацан! Раз-два-три-зассал?

Стриженый уронил камень под ноги и приглашающе поманил Сергея к себе. Сергей ругнулся и рванул к стриженому. Тот сделал несколько шагов назад и скомандовал:

– Стоп!

Сергей почему-то остановился. Рванувшие за ним Вадя и Жендос тоже. Стриженый сказал, тыкая себе за макушку:

– Туда смотри. Выше. Видишь?

– Скворечник, что ли? – недоуменно спросил Жендос, вглядываясь в темный короб, приделанный к стволу на пятиметровой, что ли, высоте.

А Серый сразу все понял, хоть и не видел ни разу камер наблюдения. Он повел взглядом по стволу, убеждаясь, что провод от камеры, местами прикрытый жестяными уголками, идет к земле и прячется между корнями, и сказал:

– Провокатор.

– Ага. Это телевизионная камера. Она всю дорогу снимает, сейчас – конкретно ваши лица. Махаться полезете – вышибут на фиг не только из лагеря, а вообще отовсюду и родителям сообщат.

– А твоим не сообщат? – спросил Жендос злобно.

– А моим пофиг, – отрезал стриженый таким тоном, что стало понятно: не врет. – Валите отсюда, пока не обнаружилось, что вы госимущество портите.

– Да ни фига мы не!.. – закипел Жендос, но Сергей перебил:

– Ты же все равно застучишь.

– Я не стучу и стекла не бью, – сказал стриженый. – Бегом марш.

– Вот ты, бляха, командир! – начал было Жендос, но Сер-

гей молча двинулся мимо стриженого и прочь. Вадя за ним.

Краем глаза Сергей увидел, что Жендос поднял осколок кирпича, похоже, тот самый, что обронил стриженый, подкинул его на руке, обронил обратно и поспешил за приятелями, зацепив плечо стриженого.

Олег постоял, пока хруст веток и щебня под ногами троицы не затих, а сердце не успокоилось, вытер ладони о штаны и сказал:

– Пошли отсюда, пионер-герой.

Он подождал, вздохнул и вышел на полянку. Салага пытался вставить в раму осколок стекла, поднятый, видимо, из травы. Руки тряслись, плечи тоже, а с подбородка упала, сверкнув, слезинка. Пальцы себе отрежет на фиг сейчас, понял Олег с ужасом, глаза же не видят ничего.

– Потом вставим, – сказал он осторожно. – Тут надо бумагой подклеить, с ПВА или клейстером. Умеешь делать?

Салага, не оборачиваясь, мотнул головой.

– Научу, если хочешь. Там муку надо… Кстати, о муке – пошли на ужин, жрать охота уже. Пошли-пошли, а то не успеем подклеить, увидят, что стекло разбитое, на нас подумают.

– Пофиг, – сказал салага. – Вот зачем они, а? Их привезли, чтобы… мечта сбылась, а они стекла бьют.

– Ты же не бьешь, а наоборот. Я тоже.

– Ну и что?

– Ну и все. Жрать пошли. Меня Олег зовут.

Салага, шмыгнув, вытер лицо коротким рукавом, развернулся и пожал руку.

– Антон.

Сразу поужинать не получилось. На полпути к дворику Антон остановился и спросил:

– Помочь, может?

Он обращался к девчонке, на которую Олег даже не обратил внимания. Девчонка тянула из земли длинную ржавую железяку, та не поддавалась – видимо, глубоко зарылась. Куча железяк помельче, хотя были там и с казан величиной, аккуратно, как кости из киножурнала про археологические раскопки, растянулась рядом.

Девчонка глянула на Антона свирепо и рванула железяку сильнее – так, что чуть не свалилась сама. Она отдернула руки, озабоченно рассмотрела ладони и взялась было за железяку снова, но Антон, а следом и спохватившийся Олег оттеснили девчонку, молча ухватили железяку у земли и принялись выкорчевывать ее, раскачивая и подкапывая носками кроссовок.

Девчонка мрачно следила за ними несколько секунд, потом присела у железяк и принялась перебирать их, прикладывая одну к другой.

– Трудное детство, железные куклы, – пробормотал Антон.

Олег с трудом подавил смех.

Девчонка и впрямь была как домовенок Кузя из кузнечно-

го барака: крупная, суровая, мешковато одетая и с волосами, прихваченными явно бабкиным полукруглым гребнем. Ступу собирает, а метла застряла, подумал Олег, произносить не стал, но затрясся от смеха так, что потерял равновесие, когда конец неожиданно легкой железяки с несколькими погнутыми перекладинами выковырнулся из грунта.

Олег сел поудобнее, отряхивая руки и досмеиваясь. Антон положил железяку к ногам своей суровой феи, будто меч побежденного.

– Металлолом собрать решила, что ли? – спросил он.

– Вроде того, – сказала девчонка. – Везде бы такой лом был. Сокровища.

– Золото, что ли? – заинтересовался Антон. – Или это, трансурановые? Они, смотри, радиоактивные, светиться по ночам будешь.

Девчонка фыркнула, присела у кучи, быстро и очень ловко сцепила несколько железок и стала примериваться к ним выкопанной дубинкой. Олег поспешно подполз к ней, забыв даже встать, и спросил:

– Это мотор, что ли?

– Восьмицилиндровый, как на «Чайке», только мельче раза в два, не рядный и не рогаткой, и легонький, – сказала она, попытавшись в подтверждение приподнять части, но не смогла. – Я вообще про такие не слышала, а он тут в земле ржавеет. И для чего делался, не пойму, думала, это трансмиссия – не, не похоже.

– Это болид, – сипло произнес Олег, не слыша себя. – Видела гоночные машины по телику, длинные такие? Это звено каркаса, поэтому невесомое такое и мотор легкий. И машина как… карт.

– Красные такие, да? – встрял Антон, присев рядом и осторожно трогая двигатель, ставший вдруг узнаваемым и очень красивым даже в полуразобранном и грязно-ржавом состоянии. – Мне дядька из ГДР привез модельку, красивая. А у нас разве такие делают?

– Получается, делают, – сказала девчонка, нежно сколупывая корочку грязи с матово-гладкой, оказывается, поверхности. – Мальчики, поможете мне это поближе к свету перетащить? А то не видно уже ничего.

Инна сама не ожидала, что решится попросить об этом незнакомых людей, тем более мальчишек. И уж тем более не ожидала, что они послушаются, да еще охотно и с радостью. А они подхватили подсобранный блок цилиндров, ни слова не говоря и даже не переглядываясь, и поперли к зданию. Инне осталось только быстренько погрузить оставшиеся детали растопыренным чумазым снопом на масленый поддон и поспешить следом. Детали были нетяжелыми, но очень разными – удержать их в кучке на бегу было почти невозможно. Звено каркаса стало выворачиваться из рук первым, затем из поддона, позванивая, поползли прочь шатуны и прочая мелочь. Инна извивалась, дергала руками, прижимала медленно выпадающее из снопа локтем к боку и ухом к плечу,

градус раздражения нарастал, и на белобрысого болтуна, который вырос вдруг на пути, она просто рявкнула:

– Ушел с дороги!

– Слушай, помощь твоя нужна, – сказал белобрысый, посторонившись.

– Твоя тоже. Хватай тут.

Белобрысый схватил, да еще и отобрал норовившую кувыркнуться за спину часть каркаса, и вчесал за почти исчезнувшими из виду мальчишками, а языком чесал еще быстрее. Инне приходилось не отставать и слушать.

– …Короче, этот код подошел, я открыл дверь, а там, блин, как в фантастическом кино или ЦУПе, – ЭВМ. ЭВМ, настоящие, блин! Только выключенные все, из розеток и вообще. Я там повтыкал, что мог, но все равно не включается – наверное, чего-то еще воткнуть куда-то надо.

Инна внимательно посмотрела на белобрысого, но он вроде ничего такого в виду не имел. Она скомандовала:

– Сюда раскладываем, аккуратненько.

Белобрысый оторвал от нее умоляющий взгляд, осторожно поставил на траву свою часть подноса, повернулся из стороны в сторону, едва не убив торчащей из-под мышки планкой ожидавших мальчишек, ойкнул, сбросил планку и бросился ручкаться, как у них принято.

– Линар.

– Олег.

– Антон.

– Инна, – мрачно сообщила Инна, обозначив книксен. – А ты думаешь, тебе не сразу голову оторвут, если что-то там сломаешь или просто включишь без спроса?

– Почему без спроса-то! – возмутился Линар. – На доске загадка написана, кто решит, тот код получит, замок откроет и войдет. Это как в «Ума палате» в старых «Пионерах».

– Или в «Двенадцати агентах Ябеды-Корябеды», – подсказал Антон. – А вы о чем вообще?

Конечно, все загорелись немедленно бежать к ЭВМ. Даже Инна, честно говоря, как ни чесались руки и что-то под горлом, требуя немедленно сесть и повозиться с невиданным мотором. ЭВМ была куда более невиданной штукой. И в словах Линара был резон: вдруг это и вправду испытание, которое глупо не попробовать пройти.

А если не испытание, тем более надо спешить, пока не прогнали и не сменили код.

Мальчишки умоляюще поглядывали на Инну. Понимали, что одна Инна и сможет подключить там все как следует. А Инна сможет?

– Под кусты всё поглубже задвиньте, чтобы никто не растащил, и пойдем, – сказала Инна решительно.

По пути Инна немножко сомневалась, не ловушка ли это – слышала она разные истории, как мальчишки заманивают девочек в глухое место и чем это заканчивается. Еще она сомневалась, не зря ли рада, что ее сопровождают Олег с Антоном – вдруг они заодно с белобрысым Линаром.

Сомневалась зря. Они правда пришли к невзрачной двери, запертой на висячий кодовый замок, который правда открывался датой Дня космонавтики, и за дверью правда были ЭВМ. Много. Штук двадцать. И не СМ-1420, как у папы на работе, не сотые «Электроники», сдутые с американской ПДП, как у начальника папиной лаборатории, и даже не настоящие ПДП. Под померцавшим и тут же засиявшим слишком ярко и бело люминесцентным светом застыли полукругом какие-то незнакомые машины с огромными экранами и крохотными аппаратными блоками. Судя по отсутствию пыли, машины использовались. А судя по вытертости кнопок на клавиатуре и жирноватой грязи вокруг кнопок, использовались они постоянно и бестрепетно.

Инна задумчиво погладила корпус монитора, отколупнула краешек грязевой каемки с кнопки «Ввод» и принялась разбираться. Она быстро сориентировалась в кабелях и предохранителях ближайшей ко входу машины, подсоединила всё, подумала и, сморщившись, щелкнула клавишей включения.

Мальчишки замерли. Ничего не случилось.

Инна подождала пару секунд, опять щелкнула клавишей, на всякий случай выдернула вилку из розетки, вынула из кармана двухкопеечную монету и принялась ее ребром отвинчивать болтики, прихватывающие кожух аппаратного блока.

– Э, ты точно уверена?.. – начал Линар и замолчал под ее

взглядом.

Инна выдернула и убрала в карман, чтобы не потерять, все болтики. Взялась за края кожуха. Антон торопливо сказал:

– В японских мафонах, говорят, капсулы с кислотой стоят или пружины специальные: открываешь, и все – фр-р, улетает или сгорает. Чтобы устройство не срисовывали. Вдруг здесь так же?

Инна простонала, мотнула головой, чуть приподняла кожух, прислушалась и попробовала заглянуть в щель. Потом сняла кожух совсем и отставила в сторону.

Мальчишки звучно стукнулись головами и, негромко шипя, затоптались, перемещаясь так, чтобы не мешать ни друг другу, ни Инне, которая уже готова была цыкнуть на них.

– Это полупроводники, да? – спросил Антон уважительно.

– Капсулы с кислотой, – сказал Линар. – И лазер внутри. Ща ка-ак…

– Помолчите минутку, а, – попросила Инна.

Все послушно заткнулись. Инна поводила пальцами по платам, по плоским кабелям и разъемам, хмыкнула, выдернула старательно свернутый и упрятанный в незаметную щель за вентилятором провод питания, нашла на корпусе основного вычислительного блока гнездо и, помедлив, вставила в него штекер. Щелчок подтвердил, что так и должно быть.

– Вот и все, – сказала Инна, накинула кожух, воткнула вилку в розетку и потянулась к клавише включения.

– А прикрутить? – спросил Олег.

– Потом, – сказала Инна и щелкнула клавишей.

Тишина.

– Вот и все, – сказал Линар с интонацией Инны.

Инна взглянула на него так, что он заткнулся минимум минут на пять или что там у него считается непобитым рекордом молчания, поскребла голову и пошла к двери.

– А прикрутить-то, – беспомощно сказал Олег.

Инна осмотрела косяк двери с обеих сторон, присела, гусыней прогулялась вдоль плинтуса и сказала:

– Ага.

Питание силовых розеток регулировалось с дополнительного щитка – запираемого, к счастью, не на ключ. Открыть его помогла все та же двухкопеечная монетка.

Инна щелкнула рубильниками, и мальчишки испуганно отскочили от стола. Под кожухом зашуршал вентилятор, а в центре монитора вспыхнуло мутно-зеленое пятно, которое, помедлив, разлилось во весь экран. И по нему побежала ярко-красная черточка.

А через три стенки от них негромко затрещал тревожный зуммер.

– Вот заразы, – восхищенно сказал Обухов. – Справились все-таки.

– А ты говорил – два дня минимум, не справятся, – просипел Главный. – Тайников понаделал.

– Так они все равно меньше трети головоломок нашли. Досадно, такие идеи пропали – один радиозонд на дубе чего стоит. Недоиграл я в казаков-разбойников, вы правы.

Главный перекошенно улыбнулся. Обухов, глядя на экран, сказал:

– Если честно, на этих вообще не думал. Ни разу не звезды и не будут, и с неба явно не хватают.

– Запомни на будущее: отличники и чемпионы – паршивые исполнители. Им себя показывать надо, а не в команде работать. Нужны необычные обычные. Надежда на хорошистов, иногда даже троечников – но чтобы с искрой.

– А как узнать, у кого искра?

– Окунай в бензиновые пары. Рванет – значит, есть.

– Рванет – значит, в клочья.

– Ну, ты пары тоже подбирай с оглядкой.

– Пары́ или па́ры?

Главный усмехнулся.

– Сам поймешь, не маленький. Гремучий и стабилизирующий, лед и пламень. Ладно, поехали знакомиться. Ждут, наверное, уже.

– Паца, гляньте, – сказал Антон, тыча в экран, как будто остальные смотрели куда-то в другую сторону и вообще могли оторваться от экрана.

На экране горела алая надпись: «Вы прошли испытание. Следуйте в конец зала, звонок за эстампом».

– Пойдем? – нерешительно спросил Олег.

– А вдруг там засада или бандиты? – нервно поинтересовался Антон.

Линар захихикал и пошел к дальней стене, дверь в которой, похоже, скрывал стеллаж с кактусами.

Антон бросился за ним, Олег тоже.

– Рыцари, меня подождите, – окликнула Инна, торопливо извлекая из кармана болтики. – Тут все выключить надо и подкрутить как следует.

– И пожрать сходить, пока ужин не кончился, – сказал Линар, нетерпеливо переминаясь у обнаруженной уже двери, звонок которой в самом деле прятался под эстампом, в средневековой манере изображавшим стыковку «Союз» – «Аполлон». – Ждем-ждем, только побыстрей давай.

Вода в душе оказалась не совсем горячей, но вполне освежающей, ужин – удивительно вкусным, даже нелюбимая Юлей печенка – нежной и не горькой. Юля чуть не поддалась на провокацию тетки-раздатчицы, время от времени громко предлагавшей добавки, но опомнилась и благодушно побрела в палату сквозь плохо освещенный двор и совсем уже напряженно переговаривающуюся и хихикающую пионерию.

Юля хотела немного почитать на скорость, но в голове была теплая благодать и глаза слипались. Отложила «Таис Афинскую», выклянченную у мамы с большим трудом и под честное слово никому не давать и не снимать маскировоч-

ную обложку из цветной страницы «Работницы», и решила порешать на скорость линейные уравнения. На первом же уравнении видимый даже сквозь опущенные веки отсвет окна погас, и мужской голос несколько раз сказал что-то невнятное. На третьем Юля заснула и вздрогнула оттого, что стукнула дверь: вернулись недовольно переговаривающиеся девочки. Впрочем, увидев, что Юля спит, они тут же погасили верхний свет, убавили громкость и стали укладываться на полутонах и полушепоте.

Хорошие, подумала Юля расслабленно. Ценю. А если икс плюс три икс…

И тут заорали птицы.

Наступил новый свободный день накануне решающего месяца жизни.

Их правда никто не стал будить, и завтрак, довольно обыкновенный – каша с маслом, яйцо, чай, – покорно дождался самых сонных и ленивых. Но на двери столовой висело объявление, что в связи с ударным завершением санитарных мероприятий «Ленинский путь» готов принять смену прямо сейчас, так что отъезд состоится не вечером, а в одиннадцать утра.

Вот и отлично, подумала Юля. Лучше уж, чтобы сразу все в зачет шло и происходило на глазах тех, кто принимает решения.

На посадке в автобус Юлю подстерег Альбертик.

– Слушай, – спросил он непривычно озабоченным то-

ном, – а ты не видела Антона, такого небольшого, мы с ним в баскет играли вчера?

Юля утомленно закатила глаза и вошла в салон, всем своим видом показывая, что не следует доставать ее глупыми вопросами на неинтересные темы.

Альбертик, к счастью, отстал. Но сама Юля не выдержала и спросила усатого, проводившего перекличку перед отъездом:

– Скажите, пожалуйста, а с нами не все, что ли, едут? Вроде пары человек не хватает.

Усатый объяснил строгим тоном:

– Не все проходят отбор.

Да уж, самодовольно подумала Юля и на этом успокоилась.

И так и жила дальше с приятным ощущением, что она-то проходит любой отбор, всегда и везде.

– К окну не подходим, – напомнил Обухов. – Ручками можете помахать. Или поехать со всеми. Повторяю, это последний шанс. Тем, кто останется, тяжко придется.

Он помолчал, ожидая реакции, не дождался и скомандовал другим тоном:

– Тогда внимание. Времени мало, не отвлекаемся больше ни на что. Готовы?

Антон часто закивал. Олег смотрел строго. Инна неожиданно улыбнулась и закусила губу. Линар быстро почесал нос

и сказал:

– Да ваще.

Тем, кто остался, пришлось тяжко.

Часть вторая. И еще раз учиться

Глубокое решение

В голове уже шумело, а тележка не собиралась трогаться. Я толкнул поручень еще раз, нечаянно выдохнув немного драгоценного воздуха – пара пузырей выскочила из носа и рванула к поверхности, – но полозья тележки будто вросли в дно бассейна. Я наконец сообразил, что здесь что-то не так, нырнул вперед и вглубь, оттолкнувшись от поручня, и рассмотрел сквозь сумрачную муть и все более звонкий стук – не в ушах уже, а за глазами, – что передняя стойка тележки уперлась в тупик: черный узкий паз, который должен идти до стенки, перечеркивается другим черным пазом, как сходящиеся рельсы в дурацком кино про железную дорогу. Белому Биму так лапу раздавили, вспомнил я с содроганием, чуть не выдохнув остаток воздуха, и сообразил: стрелка. В кино рельсы переводила стрелка, и здесь тоже должна быть.

Я повел взглядом, перед которым было темно-зелено и в округлую крапинку, увидел торчащий поодаль рычаг, рванул к нему, с силой двинул и, не глядя, что там изменилось с пазами, рванул к поручню, понял, что коли не всплыву немедленно, то умру – под горлом ёкало, в голове клубилась, больно растопыриваясь, тьма. Оттолкнуться – и вверх.

Я ударил в поручень, рыча и теряя последний воздух. Тележка рванула вперед, как санки по склону, и почти сразу врезалась в стенку. Я отлетел, болтая руками и ногами, еле вспомнил, как надо всплывать и где тут поверхность, и выскочил на воздух с захлебывающимся ревом.

Закашлялся и снова вдохнул сквозь кашель. Глаза и нос резало, в горле как будто топор застрял, руки и ноги были ватными, но я дышал и держался на поверхности.

– Минута двадцать две, – сказал Константин Петрович. – Неплохо. Главное – задачу выполнил.

Он стоял у бортика возле мигающей лампочки и показывал мне секундомер.

Я подплыл к нему, делая вид, что спокоен и небрежен, вцепился в бортик и задышал уже с облегчением.

– Не все забыл, значит, – сказал Константин Петрович. – Пишут, почти два года занимался. Почему разряд не получил?

– Лень было, – сказал я.

На самом деле мне тренер сказал, что рано со всеми сдавать. Я обиделся и почти сразу, как нарочно, простудил ухо. Врачи сказали, плавать пока нельзя, и я радостно сбежал в хоккей. Давно мечтал. Там вообще ничего не получилось, ни в одной игре так на лед и не выпустили. Не буду же я это рассказывать.

– Боря борется, а Линар ленится, – сказал Константин Петрович.

– Леня, – поправил я. – О, Константин Петрович, а может, мне Леней называться? Ну, Леонидом.

– А чем тебя родное имя не устраивает?

Я дернул плечом. Как будто непонятно. У всех имена как имена – Олег, Антон, Андрей, – а у меня что-то странное. Спасибо хоть не Рушан или Фаниль, как у троюродных. У героев таких имен не бывает – ни в книжках, ни в жизни. Во всяком случае, я не слышал, чтобы полярника или космонавта звали Линаром.

– Ленар – это же Ленинская армия, – сказал Константин Петрович. – Хорошее имя, и звучит хорошо. Прославишь – популярным станет, детей в честь тебя будут называть.

Я хмыкнул, чуть не захлебнувшись, и смущенно напомнил:

– Я через «И».

– Н-ну… Значит, лениться нельзя. Вылазь, сушись, одевайся, через двадцать минут жду тебя на треке.

Я бодро выскочил из воды по пояс и застыл, упершись в борт и беззаботно болтая ногами, дождался, пока Константин Петрович выйдет за дверь, и ухнул обратно в воду. Приладился щекой в лужицу на кафеле и некоторое время дышал запахом сырости, хлорки и каких-то горючих смесей – мастерские были через стенку, видимо, чтобы быстрее водой заливать, если полыхнет во время очередного испытания.

Сил не осталось совсем.

Тренировка в бассейне была третьим занятием с утра –

после математики и освоения скафандра и систем безопасности. А еще на треке выкладываться. Ох-х.

Я тяжело, со второго раза закинув и чуть не ободрав ногу, вывалился на бортик, полежал немного, понял, что теряю время, и поплелся в душ.

В раздевалку я вошел малость ожившим. Олегу, сидевшему на скамейке с полотенцем на бедрах, похоже, контрастные водные процедуры помогли меньше: он был неравномерно красным и совсем не двигался, уставившись на упавшие поверх полотенца руки. Подушечки пальцев были белыми и сморщенными.

Я, через силу растираясь, плюхнулся рядом и спросил:

– Кросс-брасс на скорость?

Он провел рукой над мокрым темечком.

Я сочувственно вздохнул. Бочка, значит. С виду просто колодец, доверху залитый водой, ныряешь – поверхность автоматически перекрывается крышкой. На дне загорается табло с уравнениями, надо тыкать в правильные решения. Решил – крышка открывается, выныривай, дыши и ныряй снова. Уравнений десять, можешь два или три подряд решить, чтобы побыстрее. Если не решил, а задыхаешься, можно нажать кнопку на крышке, она откроется, но за каждое нажатие добавляется одно уравнение.

Меня в бочку всего два раза окунули. В первый раз я всё в три нырка решил, а во второй чуть не утоп: Константин Петрович завелся и вывел на табло университетскую задач-

ку. Пришлось ему самому нырять и меня вытаскивать, потому что я тоже завелся.

Поэтому я теперь толкал тележку, двигал гирьки и выстраивал разноцветные фигурки на дне. Оказывается, у меня фигово с пространственным мышлением. Вот и развиваю.

А Олег фигово считал. Цифрами, в смысле. Траектории-то он строил только так, я за ним ни разу не угнался ни на пересеченной, ни на велике, ни на карте – но, говорит, не считал, а просто понимал, куда ехать, где разгоняться и когда тормозить. Я тоже, как только врезался, понимал: блин, надо было тормозить. Но меня почему-то за руль сажали редко, а Олега окунали в бочку каждый день.

– Антуана не видал? – спросил я.

Олег покрутил рукой, сморщился и все-таки ответил вслух:

– На центрифуге вроде.

– Ну ему-то пофиг, – сказал я с завистью. – Пусть физику решает, двоечник.

Антон лучше всех переносил перегрузки на центрифуге и качелях Хилова – мог после десятиминутной болтанки запросто и кончиком пальца коснуться носа, и почесать правым мизинцем левое ухо. А я попадал то в глаз, то в рот. Пальцем в нёбо, ага.

– А маленькое привидение, как всегда, с моторчиком?

Олег пожал плечами. Где ж ей еще быть.

Инне везет – она занимается тем, что любит: двигатели,

устройства, затворы, клапаны, вычислительные машины и прочие железки. Она с самого начала, даже когда нам объяснили, к чему будут готовить, долго и нудно выспрашивала, что это был за мотор, который она раскопала, кем разработан и почему зарыт в землю. «Я понимаю, что прототип, но все-таки…»

Доставала, пока Обухов не отрезал – мягко, но решительно:

– Я отдельно расскажу. Потом. Если захочешь.

Я, конечно, заржал. Над собой, получается. Инна занималась тем, о чем мечтала, а мы-то совсем не мечтали о бесконечных водных процедурах, аттракционах и перегрузках. И тем более не мечтали все время считать, смотреть по сторонам, оценивать обстановку, запоминать детали, не спешить.

Поначалу это было даже прикольно, но быстро утомило. Дополнительно напрягало, что больше половины испытаний проходит в воде. Как будто Главный не мог определиться, дар-ветров из нас делать или ихтиандров.

Сперва «Дальняя дача» служила базой для подготовки боевых пловцов, потом – для тренировки космонавтов. Я так понял, отдельного отряда, который должен был лететь то ли на Луну, то ли на Марс, причем не на обычном космическом корабле вроде «Салюта», а на таком межпланетном самолетике. Отдельно нам про это не рассказывали, но мельком показали пару картинок, когда объясняли про базу и про ее зоны, а Инна потом с явно непривычным для нее самой

восторгом объясняла, что́ на этих картинках, скорее всего, изображено.

Я до последнего думал, что нас разыгрывают – ну или подтрунивают слегка.

Понятно, что, если отобрали, привезли, напридумывали испытаний, выполняют почти что любые желания, если не наглеть, кормят со страшной силой, значит, чего-то от нас хотят и к чему-то готовят. Но не к космосу же. Олимпиада, может, какая, международная программа «Дети – послы мира», в конце концов, секретные испытания человеческого организма. Всякие технологии же постоянно развиваются, особенно военные. Американцы вон нейтронную бомбу изобрели, которая только людей испаряет, а дома и мебель остаются – заходи, надевай тапочки растворившихся хозяев и доедай, что они не доели, прямо в их тапочках. Как в страшном мультике «Будет ласковый дождь». Наши же не могут просто так сидеть и ждать, пока нас растворят. Что-то придумывают в ответ, защиту какую-то. Ее надо испытывать. А у детей организм по-другому работает, не как у взрослых. Значит, детей надо защищать отдельно. Вот на нас и собираются этому учиться. Большое дело, если подумать.

Так я думал, пока нас не привели в модельный зал.

Вспыхнул свет, огромная ракета полыхнула бликами, и Обухов сказал:

– Это Р-7, на которой в космос поднялся Гагарин и до сих пор отрываются от земли все остальные наши космонавты.

Модель в одну двадцатую натуральной величины, но точная и, можно сказать, действующая. Можете посмотреть повнимательнее.

Мы посмотрели и даже потрогали, а Антон попробовал на пальцах прикинуть, какова натуральная величина, если эта громадина – одна двадцатая. Получилась какая-то неправдоподобная ерунда.

– Она еще летает, – добил я его вполголоса.

Обухов, бережно погладив стальную бочину, сказал:

– Эта вот в космос не поднимет, конечно, даже Антона, но до Америки донесет.

– И что мне там делать? – сварливо спросил Антон, нервно относившийся к замечаниям по поводу роста и веса.

Обухов усмехнулся и стал показывать дальше:

– Это Н-1, которая должна была на Луну лететь, тоже одна двадцатая. Не полетела, увы. Но может, если прикажут. А это 15Ж53, ракета средней дальности, боевая часть комплекса РСД-10 «Пионер», одна пятая натуральной величины.

– Чего такой маленький? – спросил Антон презрительно.

– Да удаленький. Это наши щит и меч, совершенно секретные. Кино про штурм рейхстага смотрели? Вот с одной этой штукой никакой штурм не был бы нужен. Ни рейхстага, ни Берлина.

– На ней же не летают, – сказала вдруг Инна.

– На ней, конечно, нет, – согласился Обухов. – Но Р-7 тоже разрабатывалась и строилась, чтобы атомные боеголовки до

врага доносить. А в итоге мирный космос завоевывает. Так, Инна, история и развивается. Без меча орала не выкуешь.

– Да я и без орала громкий, – пробормотал я.

– Мы помним, – сказал Обухов, открывая следующую дверь. – А теперь к вопросу о том, насколько права Инна. Здесь как раз развитие проекта «Пионер» в мирном ключе. И революционном. Ребят, совершенно секретно, помним, да?

– Подписку давали же, – уязвленно напомнила Инна.

– И честное пионерское, – добавил Антон.

– Да, – очень серьезно согласился Обухов, щелкая выключателем за дверью. – Извините. Прошу.

Мы вошли, помаргивая от света, разгоравшегося неровно и со звоном разной тональности, и замерли. Зеленоватая ракета, возле которой ждал Обухов, напоминала не стрелу или шариковую ручку, а толстый самолетик с гладким утолщением у носа.

Обухов сказал:

– Это как раз революционное развитие разработки, ракетоплан «Пионер-11 РПБПД».

– РП, очевидно, ракетоплан, – проговорила Инна. – Д – дальность. РСД – ракета средней дальности, а БП?

Я хмыкнул, смутился и быстренько, чтобы никто не понял, чего я там хмыкал, сказал:

– Беспредельной.

Обухов, конечно, понял, посмотрел на меня, чуть крутнув головой, но продолжил серьезно:

– Ракетопланы все, кстати, на «Б» – «Буран», «Байкал», потом изучим разработки. А этот долго называли «Бурлак».

Теперь зачем-то хмыкнул Олег. Обухов кивнул ему, будто понял, и продолжил:

– При этом идея разделяемых ступеней сохраняется. Этот носитель, тоже модель, один к пяти, видите, немногим крупнее спецпредшественника. Потому что задача носителя скромная, хоть и нетривиальная – вывести корабль за атмосферу и на последнем этапе придать максимальное ускорение, положив на нужный курс. Поэтому, видите, добавлен третий разгонный блок с некоторыми, э-э, изюминками. А после выполнения задачи – встретить, принять и доставить на Землю вот этого красавца. «Пионер-12». Модель один к двум.

Он показал рукой в дальний угол. Мы повернулись, поморгали, переглянулись и уставились на Обухова.

– Это… корабль? – спросил Олег, хотя явно хотел спросить другое.

«Вы издеваетесь?» – хотел он, скорее всего. Я уж точно хотел. Но не решился.

А Инна решилась, хоть и в смягченной форме:

– Вы… шутите, да?

Она медленно подошла к здоровенному, в полтора человеческих роста, и будто малость вздутому стеклянному яйцу в строгой черно-серебристой оплетке, похожей на подстаканник. Яйцо было заполнено красновато-бурой слоистой жи-

жей, в которой посверкивали то ли искры, то ли снежинки.

– Не до шуток уже, Инна, – грустно сказал Обухов, не трогаясь с места.

Шутки правда кончились, так и не начавшись. И теперь мы с Олегом сидели на скамейке, не зная, как найти силы пошевелиться, – но зная, что через пару минут встанем, оденемся и побежим: один на трек, а другой в лабораторный класс, мастерскую, на стрельбище, в барокамеру или что там предписано пилоту Олегу Исичко индивидуальной программой подготовки к первому в истории человечества космическому полету за пределы Солнечной системы.

На живую нитку

Алексей Афанасьевич Кукарев придумал новый способ полетов в космос двенадцать лет назад. Способ позволял практически мгновенно перемещаться по Солнечной системе, выходить за ее пределы, достигать других звездных систем и даже других галактик, игнорируя скорость света и другие фундаментальные условия и ограничения, предусмотренные традиционной физикой. Кукарев опирался на современную физику, которая уже тогда, в начале семидесятых, нащупывала так называемую теорию складок – или струн, – дающую непротиворечивые ответы на большинство вопросов мироздания. К концу семидесятых, когда советские ученые математически обосновали существование космических струн, инженер НПО «Энергия» Кукарев уже разработал детальный проект дальнего полета, использующий эффект этих струн, а также необходимый для этого космический корабль.

– Школьные учебники до сих пор учат вас традиционной физике Ньютона с небольшим вкраплением Эйнштейна, – начал Обухов и замолчал, потому что мы переглянулись и засмеялись.

– Мы шестой закончили, у нас физика только год была, – пояснила Инна. – У нас там не Эйнштейн и не космос, а цена деления, сила трения и золотое правило механики. А Олег

вообще не изучал еще.

Олег виновато сказал:

– Я на второй год оставался, болел.

Обухов подумал и продолжил другим тоном:

– Небо голубое, трава зеленая, мяч круглый, да? Это видно сразу. А мир большой, его нам видно, как микробу – яблоко, в тени которого он лежит. Для микроба яблока вообще не существует. Но мы, в отличие от микроба, мыслим. И наконец оглядываемся и замечаем тень, которая на нас падает. Мы изучаем границы и площадь тени и понимаем, что это и есть наш мир, он круглый и плоский. Потом смотрим выше и дальше, делаем выводы из того, как и когда падает тень, и понимаем, что даже видимый нам участок не плоский, а шарообразный и что есть гораздо большая часть мира, которая этот мир освещает, отбрасывает его тень, позволяет созреть, позволяет появиться. А потом, если повезет, мы понимаем что-то про яблоню, про деревья, про растения, про почву и так далее – даже не видя их. Так развивается наука. Что я упустил?

Мы переглянулись. Инна сказала:

– Яблоко для микроба непроницаемое. Если про складки говорить, то лучше про скомканную тряпку и, например, бактерию.

Я добавил:

– Ни фига микроб не поймет, пока не надкусит яблоко. Откуда он знает, может, оно гипсовое, как в витрине.

– Молодцы, – сказал Обухов. – Вот у вас в учебнике физики так и написано: не тряпка, а яблоко, непроницаемое и гипсовое, раз внутри примерно такое же, что снаружи.

– Вы про космос сейчас, что ли? – хмуро уточнил Антон.

– Правда укусили? – не удержался я. – Вкусный?

– Главного спроси, – помолчав, предложил Обухов.

И я заткнулся.

Спрашивать Главного о том, что он там откусил, было и страшно, и подло.

Я думал, что привыкну к тому, как он выглядит, но привыкнуть не получалось. Каждый раз вздрагивал, и ребята тоже. Главный вроде на это внимания не обращал – должен был уже привыкнуть. Но, думаю, он и сам вздрагивал, когда смотрел в зеркало. Если смотрел.

Он же раньше был, судя по фоткам, красивый дядька – ну как красивый, симпатичный, спортивный такой и нестарый. А стал кучей человеческих фрагментов, будто наскоро собранных и сляпанных после взрыва.

Главный никогда не снимал мягкой шляпы и темных очков, прятал нос и подбородок в широкий легкий шарф, носил мешковатый костюм и перчатки и, конечно, не вставал с кресла с большими колесами. Рассмотреть его лицо и фигуру не удалось бы при всем желании – если бы у кого-нибудь такое желание появилось. Мы и не рассматривали. Но любая нечаянно замеченная особенность – сморщенный розовый лоскут между очками и шарфом, локоть, торчащий не

там, где должен, и способность головы то опускаться на уровень груди, то отъезжать далеко за спинку кресла – заставляла зажмуриться и учиться дышать заново. Я этого стыдился и старался на Главного не смотреть. А своего старания стыдился еще сильнее.

Голос Главного, кстати, пострадал меньше и в основном звучал нормально и даже приятно: низкий такой, мужественный. Сиплый, конечно, но это, может, с самого начала так, курил потому что – или врожденное даже. Но иногда у Главного как будто переклинивало горло, и голос либо пропадал совсем, либо принимался менять тон и высоту, как пластинка, если на ходу перещелкивать скорость воспроизведения с сорока пяти оборотов в минуту на тридцать три, тут же на семьдесят восемь и обратно. Пластинка звучала смешно. Главный в такие секунды звучал ни разу не смешно. Страшно.

Он это понимал, наверное, поэтому сразу замолкал, уезжал прочь и что-то с собой делал, потому что возвращался не сразу, утомленный и в промокшем пиджаке. Сейчас он не возвращался особенно долго, поэтому Обухов и принялся сам рассказывать про учебник и яблоко.

Продолжил, к счастью, про корабль.

Самый зоркий и востроухий человек видит и слышит лишь малую часть существующих цветов и звуков, горсточку океана, а все остальное называет каким-нибудь ультра – будь то фиолет или звук, а то и просто не подозревает о его

существовании. Человек как вид примерно так же воспринимает мир: горсточку даже из того, в чем сидит по уши. Что уж говорить о том, чего он еще не потрогал.

Материя и вообще пространство-время гладки и непрерывны, лишь пока мы их наблюдаем. Современные физические теории не исключают, что в микро- и макромасштабе пространство-время прерывисто, ступенчато и складчато. Ученые спорят о том, что такое эти складки. О том, состоят ли складки из сверхпустоты, квантового разрыва или темной материи. И о том, действительно ли каждая из этих складок тянется на миллионы километров незаметно тонкой и страшно тяжелой нитью, паутина которых пронизывает всю Вселенную. Но уже понятно, что это не плоская паутина, сияющая на солнышке в углу окна, и не мутно-белый липкий шар, на который можно наткнуться в душном малиннике. Это невидимая страшно прочная сеть, которая объединяет все стороны света, все силы, от гравитационной и электрической до магнитной и атомной, и все миры – может быть, совершенно дикие и несовместимые с нашими представлениями на одном конце нити и знакомые-родные на другом, нашем конце. Если, конечно, допустить, что у этих нитей есть конец.

– И эти нити… струны даже в антивещество уходят? – недоверчиво спросил Антон.

Мы посмотрели на него с уважением, а Обухов усмехнулся.

– Ну что значит – уходят. Если считать, что эти складки – неотъемлемая часть Вселенной, и так называемый антимир – тоже, то складки должны быть и в антимире, и где-то должен быть переход складки нашего мира в антискладку.

– Как в ленте Мебиуса? – предположил я.

– Может, но, скорее, не как. Простые модели редко бывают точными. Струна запросто может сочетать частицы и античастицы, равновесное взаимодействие которых и составляет ее суть. Мы просто не знаем. Научные теории тем и хороши, что описывают мир на текущем уровне знаний. Знаний прибавляется – и прежняя теория либо отваливается, либо корректируется и становится частью новой, более широкой и всеобъемлющей. Античные выкладки стали частью ньютоновой физики, та вошла в теорию относительности Эйнштейна, из которой вырастают новые теории – струн, квантовых петель и так далее. Одна из этих теорий, или их симбиоз, или какая-то совсем новая сперва окажется наиболее верной, потом устареет и станет частным фрагментом более общей теории.

– А практики подождут, – сказал Антон.

– Если бы практики ждали, мы до сих пор не научились бы одеваться даже в шкуры, – ответил Обухов. – Ну и никакой теории не было бы, конечно, потому что она только обобщает практику.

– Струны, я так понял, к практике отношения не имеют – их же вычислили, а не обнаружили, – сказал я. – Такие

нитки, как эти, к делу не пришьешь. Ни к какому.

Обухов терпеливо принялся втолковывать:

– Допустим, мы с тобой живем в соседних домах, оба на десятом этаже. Чтобы поговорить, мне надо выйти из квартиры, спуститься во двор, обойти забор детского садика, подняться на твой десятый этаж – в общем, пройти с полкилометра за пятнадцать минут. А можно натянуть между нашими окнами нитку и по ней перегнать записочку. Делали так?

– Мы по телефону больше, – снисходительно сказал я.

– Можно и по телефону, – согласился Обухов. – Если ты готов перейти из физического состояния в звуковой сигнал.

– Так вроде все эти новые теории говорят, что частица и есть волна, – сказала вдруг Инна. – Так что можно переходить туда-сюда, главное – научиться.

Обухов некоторое время смотрел на нее и сказал:

– Вот именно. И выяснилось, что научиться можно. Но все зависит от возраста. Как в кино, знаешь – строго до шестнадцати. Вот у нас так же.

– Тогда зачем мы тут… – начал Олег, который, я думал, так ничего ни на одном занятии и не скажет.

– Только наоборот, – уточнил Обухов.

Он рассказал, что разработанный Кукаревым корабль приводится в действие магнитным потоком, активная частица которого называется «монополь». Ее существование до сих пор считается недоказанным, однако Кукарев умудрился не только впрячь эту частицу в двигатель, но и заставить

ее вводить корабль в резонанс с суммой всех электромагнитных, слабых и сильных, взаимодействий космической струны – и на очень короткое время становиться ее частью. То есть частью складки, пронизывающей Галактику и одновременно существующей в разных уголках Вселенной.

Мы выдохнули. Обухов грустно посмотрел на нас и добавил:

– Получается примерно так: в самолете тебя привязывают к очень прочной резиновой веревке и на лету выбрасывают наружу. Где ты летишь, куда, как, на какой высоте, ты не знаешь. Просто падаешь, а через несколько секунд веревка натягивается и забрасывает тебя обратно в салон. И ты по-прежнему не знаешь, где ты летишь, куда, как – и так далее. Если просто орал, а не умудрился запомнить или даже сфотографировать то, что было вокруг и внизу. Если успел – в следующий раз ты немного представляешь, как это бывает, куда лучше смотреть и как удобнее фотографировать. На десятый раз у тебя накапливаются знания, позволяющие в целом описать то, что вокруг самолета. На сотый раз ты представляешь себе картину целиком. Ну и так далее.

– И мы готовимся… – медленно сказал Антон. – Мы прыгнем вот так в первый раз?

Обухов кивнул и некоторое время грустно наблюдал, как мы беззвучно орем и трясем кулаками от счастья. Даже Олег не выдержал, присоединился. Но он же первым и утих – чтобы спросить:

– А почему мы?

– Вы лучшие, – меланхолично заметил Обухов.

Все опять засияли, но я-то про себя точно знал, что не лучший. И спросил:

– Мы-то да, а вообще – почему до шестнадцати? Тем более до четырнадцати – нам двенадцать-тринадцать ведь.

– Мне тринадцать через месяц, – уязвленно сказал Антон.

– Потому что у полета на корабле с двигателем на монополях есть несколько особенностей, – размеренно начал Обухов, и мы притихли. – После вступления в резонанс со струной полет становится практически неконтролируемым, подчиняясь при этом правилам и законам, о которых мы ничего не знаем. Мы убедились, что выход из резонанса возвращает корабль примерно в точку входа, но не имеем представления о том, стоял ли он в этой точке, переместился ли на другой конец Галактики или совместил оба этих агрегатных состояния, размазавшись, например, по всей струне – и, соответственно, размазав всю Галактику для наблюдателя, как, знаете, размазывается мир, когда вы летите на цепочной карусели. Второе – полет для членов экипажа длится пару минут, а на Земле проходят месяцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.